

Научная статья

УДК 82-091; 343.522

DOI 10.25205/2713-3133-2023-1-26-68

Фальсификация рукописей Анны Ахматовой как актуальная проблема текстологии

Петр Александрович Дружинин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук
Москва, Россия

petr@druzhinin.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3097-3375>

Аннотация

Предлагается обзор фальсификации рукописей А. А. Ахматовой за период с середины 1990-х гг., когда отмечено появление первых подделок ахматовских рукописей, до начала 2020-х. Предлагается периодизация фальсификатов различного происхождения, излагается история попыток их распознавания и воспрепятствования их проникновению в корпус наследия.

Первые подделки рукописей Ахматовой были по-своему уникальны: это скорее попытки фальсификаторов испробовать свои силы в качестве соавторов Ахматовой – не только почерком, но и поэтическим творчеством. Именно поэтому в 1990-е гг. были заново написаны произведения Ахматовой, которые считались утраченными или упоминались в мемуарной литературе. Многие ученые поверили в их подлинность, и, несмотря на разоблачение, эти тексты до сих пор проникают в научную литературу под видом подлинников.

Второй этап фальсификации рукописей Ахматовой отсчитывается от середины 2010-х гг., когда принципы фальсификации серьезно изменились и одновременно упростились. Этот этап характеризуется подчеркнуто коммерческой направленностью фальсификатов, что отражается на содержательной стороне рукописей и инскриптов.

На конкретных примерах демонстрируется эффективность литературоведческого анализа как способа разоблачения подделок. Дискуссионность вопроса подлинности рукописей Ахматовой рассмотрена в качестве актуального вопроса текстологии классиков русской литературы.

Ключевые слова

текстология, Ахматова, Бродский, рукопись, инскрипт, автограф, фальсификат, фейк, подделка

Благодарности

Автор выражает признательность организаторам международного научно-практического Ахматовского семинара при ИРЛИ РАН за возможность изложить 28 ноября 2022 г. некоторые положения настоящей статьи в своем докладе «Фальсификация рукописей классиков русской литературы как проблема современной текстологии (на примере рукописей А. А. Ахматовой)» и учесть ценные дополнения и уточнения, сделанные участниками обсуждения. Особую благодарность выражаем Р. Д. Тименчику, который не только поддержал наше исследование, но и высказал важные замечания, учтенные в этой публикации. Сердечно благодарим О. Е. Рубинчик, прочитавшую

© Дружинин П. А., 2023

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2023. № 1. С. 26–68

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 1, pp. 26–68

Дружинин П. А. Фальсификация рукописей Анны Ахматовой

статью в рукописи, за ценные уточнения и замечания. И, наконец, большое спасибо А. Л. Соболеву за его полезные советы.

Для цитирования

Дружинин П. А. Фальсификация рукописей Анны Ахматовой как актуальная проблема текстологии // Сюжетология и сюжетография. 2023. № 1. С. 26–68. DOI 10.25205/2713-3133-2023-1-26-68

Falsification of Anna Akhmatova's Manuscripts as Problem of Textual Criticism

Petr A. Druzhinin

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

petr@druzhinin.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3097-3375>

Abstract

The article provides an overview of the falsification of Anna Akhmatova's since the mid-1990s, when the first forgeries of Akhmatova's manuscripts appeared, up to the early 2020s. A periodization of falsifications of various types is proposed, the history of attempts to identify the forgeries and prevent their inclusion into the heritage corpus is outlined.

The first forgeries of Anna Akhmatova's manuscripts can be considered unique: these were rather attempts by falsifiers to claim the co-authorship with Akhmatova – not only through handwriting, but also through poetic creativity. That is why in the 1990s several of Akhmatova's works, considered lost or mentioned in memoirs have resurfaced. Many scholars believed in their authenticity, and despite of being proved to be fake, these texts are still discussed in the scientific literature under the guise of originals.

The second stage of the falsification of Akhmatova's manuscripts dates back to the mid-2010s, when the principles of falsification underwent serious change and at the same time have been simplified. This stage is characterized by an overt commercial orientation of falsifications, which is reflected in the content of the manuscripts and inscriptions.

Specific examples demonstrate the effectiveness of literary analysis as an instrument of exposing fakes. The debatability of the authenticity of Akhmatova's manuscripts is regarded as an actual problem of the textual criticism of the leading authors of Russian literature.

Keywords

textual criticism, Akhmatova, manuscript, signature, fake, counterfeit, forgery, falsifier

Acknowledgments

The author expresses his gratitude to the organizers of the international scientific-practical Akhmatov seminar at the IRLI RAS for the opportunity to present some of the ideas of this article on November 28, 2022 in his report «Falsification of the manuscripts of the leading authors of Russian literature as a problem of modern textual criticism (on the example of the manuscripts of A. A. Akhmatova)» and to take into account valuable additions and clarifications made by the participants of the discussion. We are especially grateful to Roman D. Timenchik, who not only supported our study, but also made important remarks taken into account in this publication. We sincerely thank Olga E. Rubinchik, who read the article in manuscript, for valuable clarifications and comments. And, finally, many thanks to Alexander L. Sobolev for his useful advice.

For citation

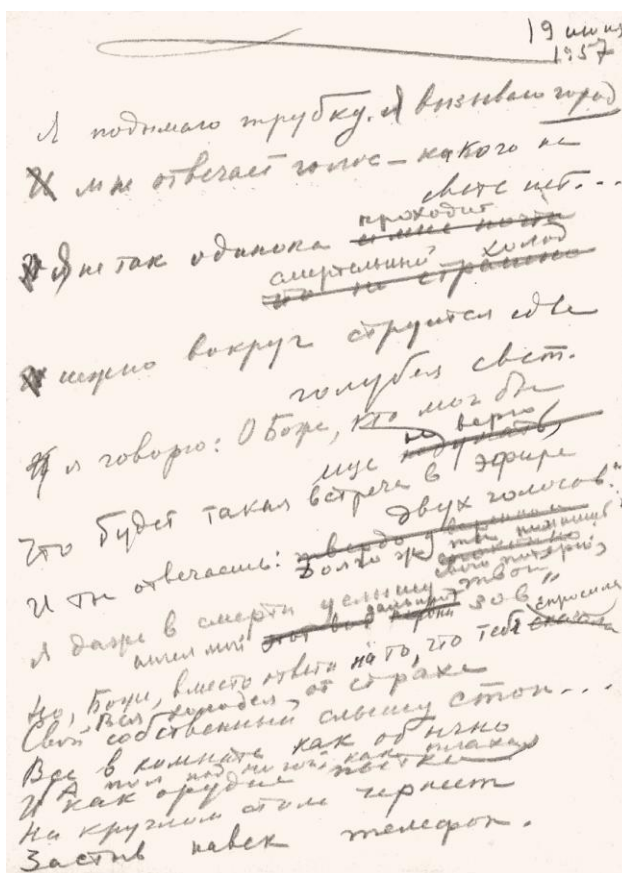
Druzhinin P. A. Falsification of Anna Akhmatova's Manuscripts as Problem of Textual Criticism. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2023, no. 1, pp. 26–68. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2023-1-26-68

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2023. № 1
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 1

Введение

Проблема фальсификатов в связи с наследием А. Ахматовой возникла в 1990-е гг., и явилась следствием усиления общественного интереса к литературе русского модернизма. Одной из причин обращения фальсификаторов к наследию Ахматовой стал ее почерк – как будто бы не очень сложный, доступный для имитации. В 2010-е новый импульс фальсифицированию был придан размещением изображений эталонных рукописей в публичном пространстве, что предоставило всем интересующимся большой массив исходного материала. В результате к 2020-м гг. доля подлинников во вновь выявляемых рукописях Ахматовой не превышает десятой части.

«Я подымаю трубку. Я называю город...»

Подлинная черновая рукопись Анны Ахматовой, 1957.
(Архив Л. Д. Большинцовой, позднее в собр. Д. Л. Файнберга)

“I lift the receiver. I name the city...”

The original draft manuscript by Anna Akhmatova, 1957.
(Lyubov Bolshintsova’s archive, later in the David Fainberg’s collection)

Такие масштабы фальсификата оказывают деструктивное воздействие не только на область историко-литературной науки, которая занимается изучением жизни и творчества Ахматовой, но и на более широкий круг вопросов истории русской литературы. Считая раскрытие темы фальсификатов принципиально важной для развития текстологии на современном этапе, рассмотрим некоторые аспекты этой темы в ее историческом развитии.

I

В 1995 г. петербургскому антиквару А. М. Луценко (1940–2008) были предложены рукописи Ахматовой, по легенде, происходившие из наследия Н. Л. Дилакторской (1914–1989). История отношений Ахматовой и Дилакторской известна в следующих штрихах: летом 1944 г. Дилакторская входит в жизнь Ахматовой, причем в качестве редактора будущего издания стихотворений, и с этого времени начинаются месяцы частых встреч с записями стихотворений под диктовку, доверительными беседами со взаимными откровениями. В начале 1946 г. их теплые отношения прерываются столь же неожиданно, как и возникли; работа над текстами останавливается, а после августовского постановления ЦК «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» замысел издания стихотворений Ахматовой становится невозможным; больше они никогда не виделись.

Только после смерти Ахматовой проявляется внимание к собранным Дилакторской ахматовским текстам: в 1960–1970-е ими пользовался В. М. Жирмунский для издания в серии «Библиотека поэта» (1976), затем подборка стихотворений Ахматовой из архива Дилакторской была напечатана в США (Ахматова, 1981), в 1980-е их активно использовал М. М. Кралин для составления двухтомника в «Библиотеке журнала “Огонек”» (1990).

«А после смерти писательницы наследники Дилакторской, разбирая ее бумаги, обнаружили листочки со стихами, аккуратно вложенные в письма, которые ей присылал с фронта брат» [Рутман, 2000]. На протяжении полутора лет А. М. Луценко по частям выкупал эти рукописи [Сажин, 2015, с. 67], и к 1997 г. в руках коллекционера оказалось около 60-ти беловых и черновых стихотворных автографов, а также 69 – в составе отдельной «Ташкентской тетради». Частично это были вовсе неизвестные тексты, если и опубликованные ранее, то со значительными разночтениями и вариантами.

В 1997 г. А. М. Луценко начал вводить свои приобретения в научный оборот. Шесть листов рукописей были уступлены Российской Национальной библиотеке в Петербурге, а сам коллекционер объявил о своих находках. 18 июня 1997 г. об этом событии написали «Известия»:

Знаменитый петербургский коллекционер Аркадий Михайлович Луценко, занимающийся в течение тридцати лет собиранием автографов русских писателей и поэтов, сообщил о редкой находке. Два года назад он приобрел рукопись стихотворения, написанного Анной Андреевной Ахматовой и датированного 1922 годом. Называлось оно «Юдифь». Позже в первом томе «Дневника» К. И. Чуковского Луценко нашел место, касающееся именно этого стихотворения. Корней Иванович пишет 26 марта 1922 года: «Потом сама (Анна Андреевна. – С. К.) предложила: “Хотите послушать стихи?” Прочитала “Юдифь” – похоже на “Три пальмы” по размеру. “Это я написала в вагоне, когда ехала в ночь. Начала еще в Питере. Открыла библию, загадала – и мне вышел этот эпизод, я его загадала”. Я прочел,

мне понравилось». Далее в комментарии к этому месту у Чуковского написано: «В “Дневнике” описка, стихотворения “Юдифь” у Ахматовой нет. Вероятно, речь идет о стихотворении “Рахиль” из цикла “Библейские стихи”». Теперь, когда обнаружен автограф, подлинность которого специалисты уже доказали, можно с уверенностью говорить, что Чуковский, сомневаясь в существовании стихотворения «Юдифь», оказался не прав. Через 75 лет после создания этого лирического ахматовского шедевра оно впервые прозвучало в Аничковом дворце на вечере авторской программы Евгения Белодубровского «Былое и думы» <...> Автограф датирован 1922 годом, а рядом в скобках стоит: «Записала в 1945 году». У Ахматовой так нередко – она возвращается к своим старым стихам, вспоминает их и записывает заново. Аркадий Михайлович Луценко, который сам прочитал ахматовскую «Юдифь», сообщил, что это только отрывок, а полностью стихотворение будет опубликовано в ближайшем будущем [Краюхин, 1997].

Слова о подтвердивших рукописи специалистах были правдой: одна закупка библиотекой фактически сертифицировала их как подлинники; кроме того, в защиту подлинности выступили еще два именитых историка литературы.

Аркадий Михайлович рассказывает:

Когда эти рукописи посмотрел наш известный литературовед Михаил Мейлах, он сказал замечательную фразу: «Подделать это смог бы только гений».

Что имеется в виду, понятно. Ведь фальсификатору нужно было не только воспроизвести неповторимый ахматовский стиль, почерк, фактуру бумаги, но и с ювелирной точностью «попасть» во все мельчайшие детали ее творческой биографии. Можно подделать одну-две страницы, но подделать целый ПЛАСТ ЖИЗНИ... [Рутман, 2000].

Свидетельство это, хотя бы и в цитате, было весомым: ведь не кто иной, как М. Б. Мейлах конце 1960-х гг. по поручению В. М. Жирмунского наносил визиты Н. Л. Дилакторской [Дилакторская, 2021, с. 295], т. е. был знаком с текстологией Ахматовой не понаслышке.

Также с одобрением выступил ахматовед М. М. Кралин:

То, что мне показал Луценко, безусловно написано рукой Ахматовой. Не все тексты равноценны, но то, что они обнаружены, меня не удивляет. В биографии и творчестве Ахматовой еще очень много непроясненных моментов. Что ж, наука движется вперед [Рутман 2000].

Одновременно подобная по почерку и текстологическим особенностям (вариативности строк; обретению сочинений, известных только по мемуарным свидетельствам и т. д.) подборка рукописей оказалась в коллекции сибиряка С. А. Савченко. Одну из рукописей, озаглавленную «Из Первой тетради» (ранее публиковавшиеся стихотворения «У кладбища направо пылил пустырь...», «...И когда друг друга проклинали», «Глаза безумные твои...» и неизвестное «Ты к морю пришел, где увидел меня...»), он опубликовал с факсимильным воспроизведением каждого стихотворения в новосибирском журнале «Горница» [Савченко, 1997].

В 1998 г. в примечаниях к собранию сочинений Ахматовой были перепечатаны две строфы из «Юдифи» [Ахматова, 1998, с. 873], напечатанные в «Известиях». В том же 1988 г. в свет вышел сборник клуба библиофилов «Бироновы конюшни», в котором состоялась публикация ряда автографов из собрания А. М. Луценко, подготовленная коллекционером при участии М. М. Кралина. В эту публикацию включены факсимильные воспроизведения и транскрипция стихотворений «Юдифь», «Прикована к смутному времени...», «Нет, с гуртом гонимым

по Ленинке...» с посвящением О. Мандельштаму, «Из Ленинградских элегий» [Луценко, 1998, с. 7–27].

Именно в связи с этой публикацией стали слышнее критические отзывы, которые, к слову, раздавались с момента явления «Юдифи»: ко времени публикации новооткрытых рукописей уже вышел в свет свод записных книжек Ахматовой 1958–1966 гг. [Записные книжки..., 1996], в которых кроме прочего приведены составленные Ахматовой перечни своих произведений в расчете на будущие издания, где не было никакой «Юдифи»; стихотворение же «Из Ленинградских элегий» казалось вызывающе неахматовским – как по метрике, так и по синтаксису.

Иначе говоря, публикация 1998 г. стимулировала начало полемики о новооткрытой Ахматовой, хотя разворачивалась она крайне робко, что имело вескую причину: никогда ранее не возникало дискуссий о подлинности ахматовского наследия, поскольку наука о литературе до того времени не сталкивалась с подделками ее рукописей.

В июле 1998 г. на Ахматовских чтениях серьезной критике новооткрытую Ахматову подверг проф. Р. Д. Тименчик: «один из главных мировых авторитетов ахматоведения» заявил, что «сейчас известно и собрано практически всё, что написано Ахматовой» [Рутман, 2000], т. е. допускал появление лишь ранее неизвестных писем или дарительных надписей, но не творческих рукописей Ахматовой, тем самым полемизируя с утверждением А. М. Луценко, что «множество ее неизвестных рукописей находятся в частных руках» [Луценко, 1998, с. 5].

Следующий серьезный импульс дискуссии придала публикация очередного тома собрания сочинений [Ахматова, 1999]. Составитель этого издания – поэтесса и литературовед Н. В. Королева (1933–2022) ввела раздел «Dubia», в который включила шесть стихотворений; пять из них – новооткрытая Ахматова (четыре из собр. А. М. Луценко и лишь одно – «Ты к морю пришел, где увидел меня...» – С. А. Савченко). Оговаривая причины дубиальности, Н. В. Королева приводила следующие соображения: «почерк вызывает сомнения в принадлежности записи Ахматовой и требует специальной экспертизы» и т. п. [Ахматова, 1999, с. 508–513]. Указанные сомнения, достаточные, для того чтобы вовсе воздержаться от публикации до окончательного вывода о принадлежности рукописей Ахматовой (как было сделано с тремя стихотворениями из четырех, опубликованных С. А. Савченко), однако не помешали Н. В. Королевой поместить эти тексты в собрание сочинений.

В том же разделе «Dubia» Н. В. Королева поместила произведение, ранее не считавшееся сомнительным: шуточное четверостишие, сохранившееся в архиве В. В. Гиппиуса, впервые опубликованное Р. Д. Тименчиком и А. В. Лавровым в 1974 г. [Тименчик, Лавров, 1976, с. 59] и затем вошедшее в корпус сочинений Ахматовой [Ахматова, 1983, с. 117]. Однако Н. В. Королева не только сочла принадлежность этого сочинения Ахматовой сомнительной, но и вообще поставила под вопрос авторство сатирического цикла, в котором своими четверостишиями также поучаствовали С. М. Городецкий, М. Л. Лозинский, В. И. Нарбут и А. Н. Толстой: «Все стихотворения крайне низкого художественного качества; авторство, в том числе Ахматовой, сомнительно». И хотя она тут же приводит мнение И. В. Платоновой-Лозинской, «убедительно доказывающее возможную

принадлежность Лозинскому» его строфы [Ахматова, 1999, с. 509], но не меняет своей точки зрения на дубиальность четверостишия Ахматовой.

Результат этой публикации был неоднозначным: владельцы рукописей и сторонники «тайны», изначально обозначенной А. М. Луценко в качестве первопричины неизвестности рукописей («Ахматова устроила у подруги тайник, боясь, чтобы стихи не пропали, если придут с обыском» [Рутман, 2000]) и замороженные «новооткрытой Ахматовой», негодовали по поводу заявлений о сомнительности почерка этих автографов. С другой стороны, исследователи творчества Ахматовой были покоролены тем, что подобные тексты не только попали в собрание сочинений, но еще и были смешаны с ничуть не дубиальными.

Если же рассматривать этот прецедент как факт истории текстологии, то он для нас очевиден в качестве достаточно показательного примера: столь решительные действия исследователя на основании субъективного понимания художественного уровня произведения не всегда оправданы. Здесь же мы видим еще и явную несоразмерность эстетических требований, которые предъявлены к подчеркнуто сатирическому четверостишию, написанному в ходе заседания кружка и, видимо, в порядке быстрой очередности. Возможно, имело значение и собственное поэтическое чувство исследователя (Н. В. Королева, как и М. М. Кралин, были еще и поэтами), на основании которого от корпуса сочинений отторгается «такая» Ахматова. И одновременно, на основании того же субъективного чувства, спорные с точки зрения подлинности, но как будто более значительные по идейно-художественному содержанию сочинения кажутся более «достойными» Ахматовой.

Хотя провозглашается ненаучность подобного подхода: «Вообще при решении вопросов атрибуции апеллировать к художественному качеству – самое последнее дело: то, что одному представляется бездарным, другому может показаться шедевром» [Пильщиков, Шапир, 2005, с. 222], однако традиционно историки литературы в подобных случаях в значительной степени опираются на собственный вкус и знания.

Но в данном случае Н. В. Королевой был допущен промах. От подобных ошибок текстологов неминуемо страдает и вся наука об Ахматовой. Вспомним слова С. А. Рейсера: «...произведение, даже на основании самой легкомысленной атрибуции, легче ввести в корпус работ того или иного писателя, чем на основании самого серьезного анализа его из него вывести» [Рейсер, 1978, с. 102].

«Ахматовские чтения – 2000» перевели противостояние ахматоведов в открытую фазу:

Пожалуй, начать следует с прозвучавшего на конференции утверждения, что во 2-м томе шеститомного собрания сочинений Анны Ахматовой, которое выходит в московском издательстве «Эллис Лак», в разделе «Dubia» издатели напечатали фальшивки, впервые опубликованные владельцами «автографов» А. М. Луценко и С. А. Савченко в журналах «Автограф» и «Горница». Очень жаль, что публикаторы поспешили, не дождавшись момента, когда ситуация с недавно «обнаружившимися» рукописями «неизвестных стихов Ахматовой» окончательно прояснилась. Думается, это связано с разъединенностью исследователей творчества Анны Ахматовой, живущих не просто в разных городах и странах, но и как бы в разных измерениях [Рубинчик, 2000].

Н. В. Королева не ожидала, что замеченные в ее большой работе просчеты покажутся коллегам столь принципиальными: «Агрессивность тона моих оппонентов меня просто поразила, – рассказывает Королева. – Так научные дискуссии не ведутся. На представленные рукописи могут быть разные точки зрения – к примеру, и мне кажется, что почерк на некоторых листах явно не ахматовский. Хорошо, а если это ее стихи, но переписанные другой рукой? Ведь идентификацией текстов никто всерьез не занимался. А найденные в таком количестве неизвестные стихи Ахматовой могли бы стать настоящим литературным открытием» [Рутман, 2000].

Здесь мы видим опять же отрицательные примеры работы текстолога. Во-первых, заявление что «идентификацией текстов никто всерьез не занимался», которое должно было дискредитировать высказывания Р. Д. Тименчика и целой группы исследователей, игнорировать мнение которой как минимум неакадемично. Во-вторых, что «найденные в таком количестве неизвестные стихи Ахматовой могли бы стать настоящим литературным открытием». Именно этот тезис является маркером ситуаций, когда фальсификат пробивает себе путь в качестве подлинника: значение таких рукописей настолько будоражит неискушенных (а порой и весьма искушенных) исследователей, а их публикация кажется столь привлекательной для его исследователя, что вопрос подлинности как будто отступает на задний план: ученый считает, что лучше опубликовать первым, а «идентификацию всерьез», если уж остаются сомнения, пусть производят те, кто не успел.

На этом фоне вопросом подлинности рукописей из «архива Дилакторской» озаботилась Российская Национальная библиотека:

Чем больше рассматривали сотрудники свое приобретение, тем более сомнительным оно им казалось. И от имени РНБ автографы отправили на исследование. Экспертизу проводила главный эксперт Экспертно-криминалистического управления ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области полковник милиции Людмила Сысоева. Опыт работы – 27 лет. Безупречная репутация.

Для сравнения предоставили более двадцати образцов почерка Ахматовой, выполненных в разные годы чернилами и карандашом. Обнаружилось, что при внешнем сходстве некоторых признаков, которые бросаются в глаза, имеется множество существенных различий. Эксперт дала однозначный ответ: это почерк не Анны Ахматовой [Дажунц, 2001].

В текстологии каждого писателя наступает момент, когда ученые с удивлением обнаруживают подделку текста. Не список или ошибочно атрибутированную рукопись эпохи, а именно сознательный и вероломный фальсификат. Когда в 1963 г. Пушкинский Дом приобрел автограф А. С. Пушкина на книге (впоследствии выяснилось, что это был не автограф, а фальсификат), то лучшие пушкиноведы не высказали сомнений в подлинности. Т. И. Краснобородько объясняла такой феномен следующим: «Эти ученые были людьми высокой культуры и строгих этических принципов. Они подошли к новонайденному документу с позиции презумпции невиновности. Вряд ли они могли допустить возможность такой сознательной спекуляции на имени Пушкина» [Краснобородько, 1995, с. 284]. Так было и с рукописями Ахматовой ровно до того момента, когда вещи были названы своими именами, – подделка названа подделкой.

Но начался другой конфликт по этому поводу, уже в рамках РНБ, поскольку разоблачение подделки некоторыми было воспринято как угроза репутации библиотеки и лично тем, кто одобрил приобретение 1997 г.:

Хранитель фонда Ахматовой Наталья Крайнева <...> бесповоротно поверила эксперту. А ее начальница, завотделом рукописей Людмила Бучина, однако, далеко не столь категорична.

– К сожалению, экспертиза была проведена некорректно, – признается она. – И в этом наша вина. Мы предоставили для сравнения с карандашными записями тексты, написанные ручкой. А ведь «орудие» письма очень сильно влияет на почерк. К тому же эксперт с самого начала знал, что речь идет об Ахматовой, и соблюсти чистоту исследования не удалось. Теперь к этому эксперту уже обращаться нельзя, а других специалистов такого класса у нас в городе нет. Но дело не только в этом. Кроме почерковедческой нужна еще и источниковедческая экспертиза. Думаю, что это – задача для будущих исследователей. Необходима большая, серьезная научная работа. Сейчас же пока, я считаю, точку в этой истории ставить рано [Рутман, 2000].

Газета «Санкт-Петербургские ведомости», следившая за развитием событий, заказала собственную экспертизу в ЭКУ ГУВД, отправив факсимиле публикаций С. А. Савченко и А. М. Луценко, а о полученном ответе известила читателей: «Ответ тот же: “Рукописные тексты, опубликованные в “Автографах...”», выполнены не Ахматовой А. А., а каким-то другим лицом с подражанием почерку Ахматовой А. А.» [Дажунц, 2021].

Результаты выводов этих экспертиз укрепили позицию тех, кто изначально возражал против оригинальности рукописей. В. А. Черных в 2000 г. указал на «серьезные сомнения в подлинности ахматовских текстов или, точнее, текстов, приписываемых Ахматовой в недавних публикациях А. Луценко и С. Савченко» [Черных, 2000, с. 422]. Р. Д. Тименчик вовсе назвал эти рукописи «унылыми самопальными виршами» [2000, с. 67]. В. В. Мусатов счел текст «мистификацией» [2007, с. 463]. Позднее В. А. Черных высказался более определенно: «Стих<отворение> “Юдифь”, опубликованное в 1998 г. А. М. Луценко в журнале “Автограф” № 3, – несомненная подделка» [Черных, 2008, с. 154].

Однако приведенные выше слова С. А. Рейсера оправдывались и оправдываются: даже в наши дни мы можем с удивлением прочесть, что это «стихотворение А. Ахматовой» представляет собой «отчетливый пример восприятия Юдифи как своего рода воительницы в русской литературе Серебряного века и одновременно введения любовного мотива в легендарный сюжет»; причем это сомнительное утверждение отчетливо повторяется в одинаковой формулировке даже в нескольких публикациях [Зусева-Озкан, 2021, с. 34; 2022, с. 246].

Но в 2001 г. вердикт криминалиста относительно важнейших для русской литературы рукописей заставил озаботиться другим вопросом, который подняли газеты:

Кто автор подделки?

1. Безусловно, это человек, хорошо знакомый с рукописным архивом Ахматовой. Почерк очень похож!
2. Кроме того, это человек, которому до мельчайших деталей известны не только творчество поэта и ее жизненный путь, но и воспоминания об Ахматовой ее современников. Например, в дневнике у К. Чуковского упоминается забытое (или не-

написанное) стихотворение «Юдифь». И оно появляется. Э. Герштейн в своих воспоминаниях приводит запомнившуюся ей ахматовскую строчку: «И дома нет, и дыма нет, и даже думы нет...» У автора подделки тут же возникает мысль – а не создать ли за Ахматову целый «неизвестный» цикл? Создает.

3. И, разумеется, это должен быть человек, не лишенный поэтического дарования.

К уже известным стихам Ахматовой он дописывает строчку, две, три и даже четверостишия. (Правда, о некоторых из этих строк Анна Андреевна могла бы сказать, что они созданы по принципу: вышла Дуня на балкон, а за нею совнарком, то есть достаточно примитивно.)

Но есть и вполне приемлемые образцы. Неспециалисту не разобраться.

«Прикована к смутному времени
В нищете ледяных дворцов.
Но капля за каплей по темени
Бьет таинственный древний зов...»

Это якобы забытое Ахматовой начало известного стихотворения «Я знаю – с места не сдвинуться...» «Пожалуйста, вспомните первые четыре строки. Остальное известно», – обращается она к Лидии Чуковской в июне 1955 года. «Это “первое четверостишие” не обнаружено до сих пор...» – пишет Л. Чуковская. Обнаружено!

4. Это должен быть еще и неординарный человек, который отчасти страдает манией величия и который всерьез думает, что вправе по собственному усмотрению распоряжаться поэтическим наследием Анны Андреевны. Из множества разрозненных отрывков, из прозаического текста дневников он создает так и не законченную (или уничтоженную?) «Седьмую элегию».

В литературоведческих кругах Петербурга есть лицо, к которому подходят все эти признаки. Вспоминают, как он однажды признался по простоте душевной: «Я так сжился с образом Ахматовой, что могу писать за нее стихи!» Эта фраза тогда ужаснула Н. Попову, директора Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.

Доказать, что известные фальшивые образцы принадлежат его перу, наверное, не составило бы большого труда. Если бы было заведено уголовное дело. Но руководители Российской национальной библиотеки, те лица, которые, исходя из логики вещей, должны были бы такое дело инициировать, молчат [Дажунц, 2001].

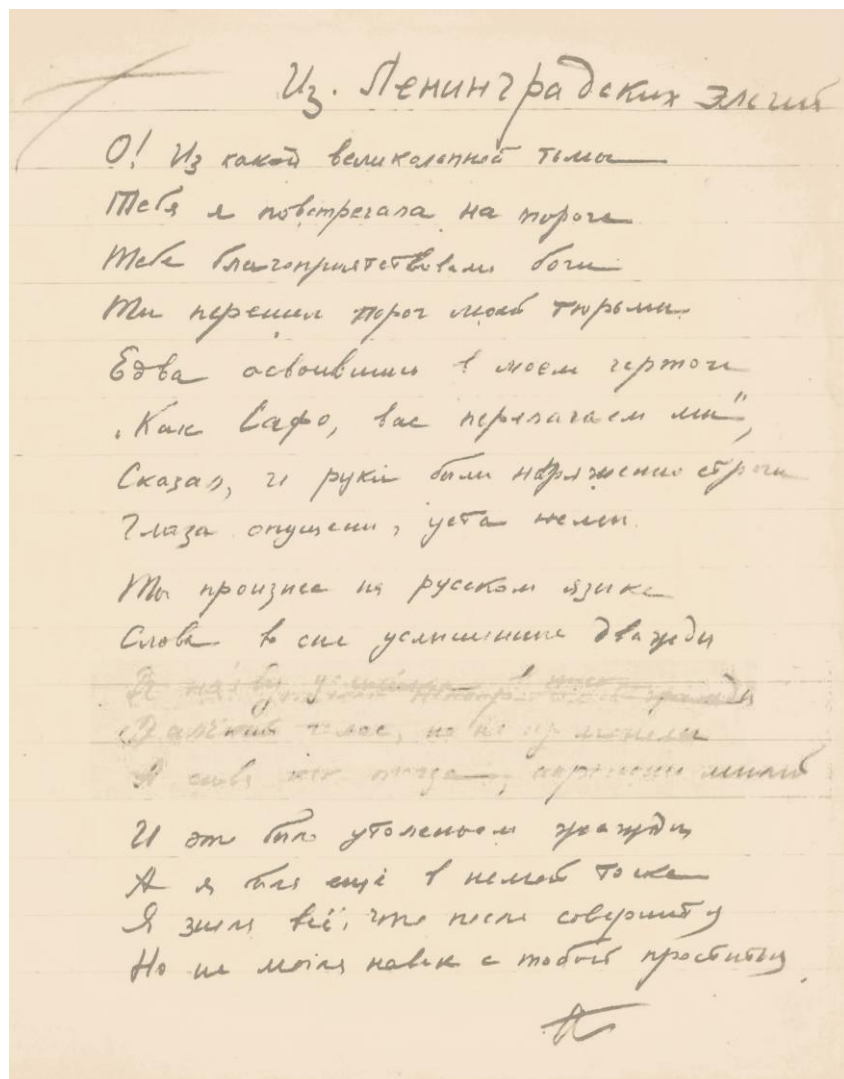
Как впоследствии было разъяснено [Сажин, 2015, с. 67], речь шла о М. М. Кралине (1948–2019), выпускнике филологического факультета Ленинградского университета, поэте и увлеченном исследователе творчества Ахматовой, хорошо знакомом с Н. Л. Дилакторской и ее наследниками.

Никаких дальнейших действий библиотека не предпринимала, специальных научных публикаций по данному вопросу не последовало, а в 2008 г. скончался и сам А. М. Луценко, не переставший настаивать на подлинности рукописей и предвзятости экспертизы. Так должна была закончиться история о первой задокументированной фальсификации рукописей Ахматовой.

II

Смерть А. М. Луценко повлекла за собой смену собственника его коллекции. Некоторые из рукописей псевдо-Ахматовой, ранее опубликованные, оказались в продаже. В 2012 г. лист со стихотворением «Из Ленинградских элегий», опубликованный в собрании сочинений, был продан в Нью-Йорке. Впрочем, в катало-

ге аукциона нет ссылок на публикацию, зато указано фантазийное «происходит от В. Г. Адмони» [Bonhams, 2012, p. 8]. Некоторые листы были проданы еще самим А. М. Луценко другим собирателям, и ими же опубликованы [Варава, 2013, с. 103].

«Из Ленинградских элегий»

Имитация рукописи Анны Ахматовой. Ленинград, начало 1990-х гг. (Bonhams)
Литературная мистификация М. М. Кралина (Ахматовой принадлежит первая строка)

“From the Leningrad elegies”

Imitation of the handwriting of Anna Akhmatova. Leningrad, early 1990s (Bonhams)
A literary forgery composed by Mikhail Kralin (Akhmatova was the author of the first line)

Середина 2010-х гг. знаменуется удивительной метаморфозой в текстологии Ахматовой: пользуясь разобщенностью научного сообщества, вопрос экспертизы берут в свои руки библиофилы, которые начинают активно публиковать рукописи Ахматовой. Лишенные научной методологии, а подчас и базовых знаний в данной области, но обладающие безграничным честолюбием, публикаторы оказываются бессильны в вопросах критики источников. В результате не только фальсификаты публикуются под видом подлинников, но и наоборот.

Любопытно мнение библиофилов о роли ученых: «Многие собиратели тщательно скрывают имеющиеся у них автографы русских писателей и поэтов, справедливо полагая, что не опубликованный инскрипт ценится гораздо выше. Тот же А. М. Луценко достаточно подробно рассказывал о том, как у него выуживались автографы, сетуя на то, что литературоведа не интересует история приобретения этого сокровища, перипетии его бытования. Цель – всё тотально публиковать, причем публиковать за своей подписью» [Сеславинский, 2014, с. 6]. Здесь поясним, что как раз научная публикация квалифицированным историком литературы, с преимуществующим ей исследованием рукописи, в значительной мере является плотной для проникновения фальсификата в литературу вопроса; однако в приведенной цитате мы скорее видим иное – самооправдание библиофилов, которые решили «тотально публиковать, причем публиковать за своей подписью». Печальный опыт А. М. Луценко их ничуть не смутил.

Коснемся двух публикаций. Во-первых, это книга сибирского библиофила Б. Н. Варавы, который под видом автографов Ахматовой публикует надписи, не имеющие к ней никакого отношения, либо же сознательные фальсификаты в своей книге библиофильской прозы [Варава, 2013, с. 15, 103, 129, 167, 302], а также в отдельном описании некоторых ахматовских рукописей [Варава, 2014]. Относительно спорности «Ахматовианы» из этого собрания сразу высказался Р. Д. Тименчик:

У меня, например, в упомянутой книге Варавы вызвали сомнения надпись на Четках «Хорошему Л. И. на память Ахматова 1928 г.» <...> И не до конца уверен в надписи «Моей Кохиноре. 8.II.26». И, несомненно, не рука Ахматовой – «Люсе» 1926 г., надпись Сергею Спасскому 1939 года, стихотворение «Надпись на “Подорожнике”» <...> – все подделки» [Тименчик, 2014].

При этом, издание любого вида, научное или не очень, может послужить подспорьем для ученого-текстолога, если кроме сомнительной атрибуции и порой неудовлетворительной транскрипции содержит факсимильные воспроизведения рукописей. Именно в этом качестве книга Б. Н. Варавы оказалась важна, что отмечает тот же ученый:

У меня был такой случай, думаю, что несчастный случай, – я увидел в каталоге аукциона одну позицию, письмо Ахматовой к Борису Лавреневу с соболезнованием по случаю смерти его сына. Там был приведен текст записки, я его процитировал в книге «Анна Ахматова в 1960-е годы» и даже за это удостоился печатной (и педагогически правильной) похвалы своего коллеги, за то, что я не ленюсь заглядывать в такие раритетные для филологов мелкопечатные издания. Но вот недавно в интересной книге Варавы я познакомился с фотографией этой записки (с. 129), и у меня по почерку возникло сомнение в принадлежности ее ахматовской руке, так что во втором издании я ее из своего текста справки о взаимоотношениях Ахматовой и Лавренева снимаю [Тименчик, 2014].

Не менее познавательна для текстолога публикация М. В. Сеславинского, который также не избегает пути обнародования откровенного фальсификата под видом подлинника – будь то инскрипт всё той же Н. Л. Дилакторской на номере журнала «Ленинград», или к А. М. Розен («Не знавала в жизни отрадней | наших тайных ночных бесед», 1945) или же надпись под фотографией, адресованная И. Д. Ханцину, причем последний фотопортрет даже вынесен на обложку издания [Сеславинский, 2014, с. 108, 114, 124].

При этом в книге помещен раздел, который «содержит примеры явно фальшивых автографов», на что публикатор, безусловно, имеет право; аргументируя это так: «Сорные растения в венке, вспоминая хрестоматийные строки самой Ахматовой, на наш взгляд, так же нужны, как розы, незабудки и хризантемы. Посмотрим, что из них вырастет...» [Там же, с. 6].

Полюбопытствуем и мы: к сорнякам причислен и инскрипт С. А. Есениной-Толстой на книге «Четки» (1916) («Характер почерка и построения дарственной надписи вызывают у нас серьезные сомнения») и надпись Н. И. Богословской на книге «Белая стая» (1919). Последний инскрипт (1955 г.) до 1999 г. находился в собрании М. Е. Кудрявцева (напомним, в собрании этого замечательного московского коллекционера была рукопись «Африканского дневника» Н. С. Гумилева) и был куплен у последнего Б. Н. Варавой, от которого, по-видимому, перешел к публикатору: «Любопытно, что в книге Б. Варавы <...> воспроизведен идентичный по тексту и дате автограф Н. И. Богословской, но уже на ташкентском сборнике 1943 года. Два одинаковых автографа, происходящих из одного собрания, наводят на неприятные размышления. Какой из автографов является фальшивым, должны сказать специалисты» [Сеславинский, 2014, с. 163]. Однако оба инскрипта Богословской – подлинные; и мнение специалистов в данном случае вполне однозначно (поблагодарим Р. Д. Тименчика как специалиста за его авторитетное мнение).

Произведя по собственному произволу экспертизу ахматовских рукописей, публикаторы сочли фальсификаты подлинниками, а подлинники – фальсификатами. Но не остановились на этом, потому что в дальнейшем их же усилиями несомненные фальсификаты – как надпись Н. Л. Дилакторской на журнале «Ленинград» – были опубликованы в качестве эталона рукописной Ахматовой [Искусство автографа..., 2015, с. 86–87]. И уже после этого мы видим, как профессиональные историки книги рекомендуют библиофильские публикации с указанными особенностями ученому сообществу в качестве «энциклопедии образцов почерков» [Великодная, 2016, с. 58].

III

Основной корпус «Ахматовианы» А. М. Луценко сохранился единым комплексом, и в 2015 г. была сделана попытка легализации этих рукописей. Причина просматривается: после событий с псевдо-Ахматовой вся коллекция Луценко, наполненная в том числе и подлинниками рукописей русских классиков начала XX в., несла на себе столь заметный шлейф дубильности, что новые владельцы озаботились вопросом очищения доброго имени собирателя.

Речь идет о статье В. Н. Сажина «Мнимая и подлинная репутация: об А. М. Луценко и его “Ахматовиане”». Нельзя не усмотреть связь между проблематикой

статьи и местом публикации (напечатана она в подчеркнуто ненаучном журнале): упомянутый выше коллекционер М. В. Сеславинский, тоже владелец коллекции «Ахматовианы», из которой «почти половина происходит из собрания Луценко» [Сажин, 2015, с. 63], одновременно поименован в качестве председателя редакционно-издательского совета этого издания. Но более всего любопытны аргументы, которые должны упрочить «подлинную репутацию» А. М. Луценко.

В. Н. Сажин пишет, что «научное значение и достоверность материалов собрания Луценко высоко оценены и в среде филологов – автографы писателей из его коллекции регулярно публиковались в различных изданиях <...> Лишь одно обстоятельство в последние годы жизни доставляло ему огорчение и побуждало систематически нервно возвращаться к обсуждению. В 2000 году была предпринята попытка публично дискредитировать его “Ахматовиану”...» [Сажин, 2015, с. 63–64].

Автор настаивает на том, что вопрос о рукописях Ахматовой ничуть не решен – он дискуссионный и нуждается в грамотном рассмотрении. Поскольку автор статьи является квалифицированным ученым, в целом его изложение достаточно убедительно. События 2000 г. он описывает следующим образом: «Экспертиза не смогла уверенно подтвердить подлинность этих автографов. Вместе с тем тогдашняя заведующая Отделом рукописей РНБ Л. И. Бучина признавалась мне, что она не считает экспертизу корректной, поскольку подлинные автографы, предъявленные от Отдела на экспертизу для сопоставления, ни по времени создания, ни по палеографическим свойствам не могли служить почвой для достоверного выполнения поставленной задачи» [Там же, с. 67], т. е. умалчивает о главном – о выводах экспертизы, доказавшей неоригинальность рукописей.

В целом же излагается точка зрения, созвучная версии самого А. М. Луценко: оправдывается решение Н. В. Королевой о включении сомнительных рукописей в собрание сочинений: «Составитель издания поступил в согласии с профессиональной этикой: если существует текст, приписываемый автору, им нельзя пренебречь в авторитетном издании, его положено воспроизводить в разделе “Dubia”» [Там же, с. 64].

При этом, высказывая верный тезис, что художественное качество произведения не является мерилем подлинности, он приводит «один характерный и познавательный пример (и таковых немало). Почти сто пятьдесят лет ведется научная полемика по поводу принадлежности Пушкину баллады “Тень Баркова”. Авторитетные пушкинисты, в том числе Н. О. Лернер, П. Е. Щеголев, утверждали, что такие несовершенные стихи мог написать любой графоман, но только не Пушкин, а лет через двадцать после того они же находили в тех же самых стихах силу, энергию, зрелость. Споры идут и по сей день...» [Сажин, 2015, с. 73].

Нельзя не отметить подмены понятий в контексте рассуждений В. Н. Сажина о дубиальности: дело не в том, что, несмотря на «споры», принадлежность юному Пушкину «Тени Баркова» была доказана еще М. А. Цявловским, а впоследствии эта позиция была лишь упрочена (см. [Пильщиков, Шапир, 2005] и др.), а в том, что вряд ли намеренная фальсификация должна включаться в корпус наследия на равных правах с текстом, вопрос об авторстве которого дискутируется полтора века. Если следовать такой логике, в Dubia сочинений А. С. Пушкина надлежит включить не только «Тень Баркова», поскольку «споры идут и по сей день», но

и откровенные фальсификаты, наподобие созданных М. А. Армалинским «Тайных записок А. С. Пушкина 1836–1837»: ведь по их поводу также идут «споры»...

В. Н. Сажин указывает, что именно М. М. Кралин подозревался в изготовлении ахматовских рукописей, хотя и пытается опровергнуть это: отмечает заслуги Кралина в изучении Ахматовой, акцентируя внимание на том, что именно Кралин «оказался первым, кто в полном объеме исследовал архив Дилакторской и ввел в научный оборот такой объемный материал по истории текстов и датировок ахматовских произведений, что с тех пор ни одно издание не обходится без многочисленных ссылок на его двухтомник» [Сажин, 2015, с. 67].

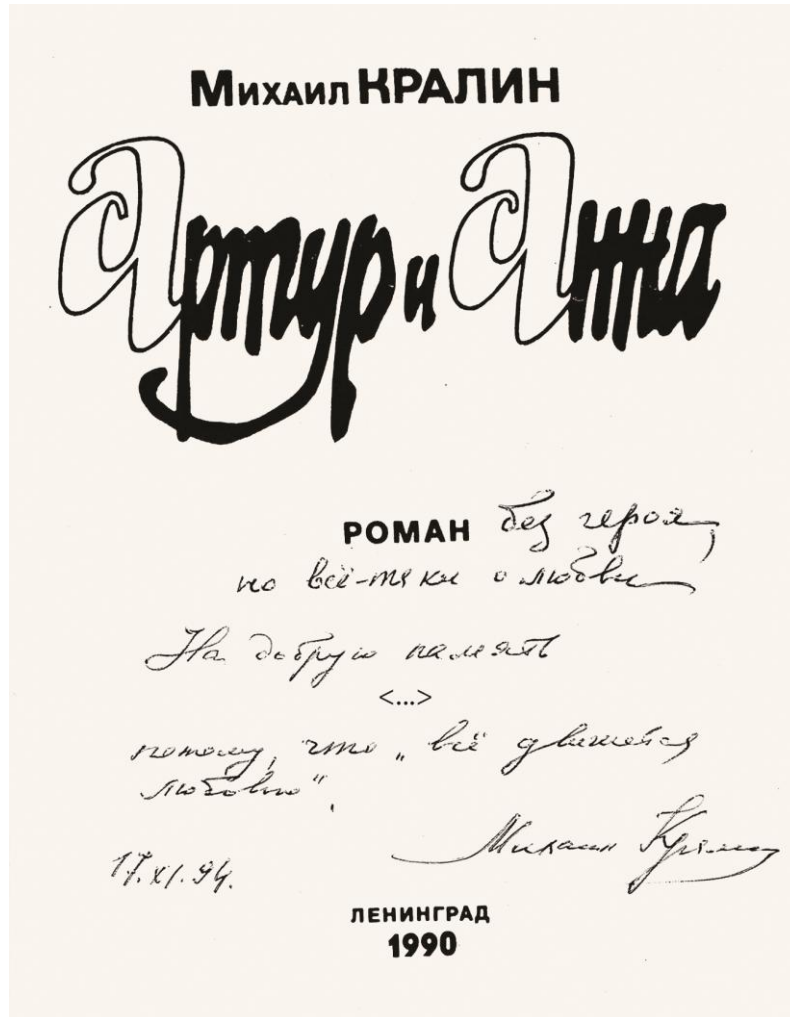
Причина нападков на рукописи выводится из предыдущего тезиса: «Полагаю, что ревнивое честолюбие некоторых патриархов ахматоведения было задето тем авторитетом, который вследствие описанных обстоятельств приобрел Кралин. Возможно, атака на скромную публикацию из “Ахматовианы” Луценко была лишь средством дискредитации, в первую очередь Кралина» [Там же].

Иллюстративная часть статьи представляет собой факсимильные воспроизведения псевдо-«Ахматовианы» с комментарием. Завершает В. Н. Сажин констатацией, что рукописи эти надо изучать, а никто де не желает: «Дискуссия не ведется. Кулуарно обсуждается запущенная пятнадцать лет назад легенда, основанная всего лишь на одной публикации и целом комплексе тогдашних привходящих обстоятельств и эмоций», а автографы эти на самом деле «никто никогда не рассматривал, не изучал» [Там же, с. 68].

Предваряя вопрос читателя, зачем же их изучать, если вывод уже был сделан, их апологет пишет: «Не надо иметь познаний криминалиста или психолога, достаточно лишь обладать обыкновенным здравым смыслом, чтобы понимать: ни один злоумышленник, промышляющий большим объемом фальсифицированных автографов одного и того же автора, не станет сбывать их (одному и тому же покупателю) без того, чтобы не проложить, хотя бы частично, подлинниками. Поэтому, даже допуская наличие поддельных автографов в “Ахматовиане” Луценко, можно уверенно говорить о наличии в ней значительного объема автографов подлинных» [Там же, с. 69].

Последнее утверждение достаточно спорно. Апелляция к здравому смыслу кажется нам излишней в текстологическом исследовании, поскольку трудно проникнуть во внутренний мир фальсификатора; однако сама мысль, что фальсификатор будет подбрасывать что-то как несомненный признак подлинника, – безусловно, верная, и опытные фальсификаторы как раз так зачастую и поступают. Скажем, именно поэтому несколько псевдоахматовских листочков были уложены в подлинный конверт письма Дилакторской: там и штемпель, и ее имя... Формально не имея никакого отношения к рукописи, такие суплементы в глазах неспециалиста могут не только служить доказательством подлинности, но и давать повод к ложным академическим построениям и вольным толкованиям.

Статья В. Н. Сажины, призванная реабилитировать «Ахматовиану» А. М. Луценко, произвела иной эффект. Поскольку ряд намеков Р. Д. Тименчик не без оснований принял на свой счет, а часть – экстраполировал на всю науку об Ахматовой, то появился его ответ «О чести, простите, мундира» [Тименчик, 2015].

Дарительная надпись Михаила Кралина, 1994 (частное собрание).
Приводится в качестве образца его почерка, обращение опущено при публикации
Gift inscription by Mikhail Kralin on his book, 1994 (Private collection).
Reproduced as an example of Kralin's handwriting, the recipients's name is hidden

Касается он и фондообразователя. Например, говоря о публикации в альманахе «Часть речи», имевшей, согласно вводной заметке, своим источником «машиннописные копии из архива близкой приятельницы А. А. Ахматовой – Н. Л. Дилакторской, которой в свое время А. А. А. их надиктовала, выправив, проставив окончательные даты, а на некоторых и место написания» [Ахматова, 1981, с. 15], он поясняет, что «в состав подборки входят стихи 1950–1960-х годов, которые Ахматова никак не могла диктовать Дилакторской, да еще и стихотворение харьковской

поэтессы О. Т. Бондаренко (1922–1991), присланное Ахматовой в 1964 году» [Тименчик, 2015, с. 390].

Не менее однозначно представлена точка зрения на разлад А. А. Ахматовой с Н. Л. Дилакторской – «нет такого категорического императива привечать осведомителей», сопровождая это цитатой из опубликованных тем же В. Н. Сажиным воспоминаний Л. В. Шапориной, в которых мемуаристка отмечает «у Дилакторской не то эротическое, не то патологическое увлечение известным учреждением» [Там же, с. 390].

Но особенно Р. Д. Тименчик категоричен в вопросе подлинности «Ахматовианы»:

Ох, не надо было В. Н. Сажину щедро иллюстрировать свои прекраснотушные призывы к дискуссиям и «профессиональным» обсуждениям «предлежащими автографами» – снимками с 10 листочков, старательно заполненных буквами: фальшак в больших количествах пристального взгляда не выдерживает. Тут и рассматривать долго не надо, не то что изучать. Это, – говорит предьявитель кучи граффити, – «под силу лишь профессиональному ахматоведу». Позволю себя рекомендовать в качестве такового, закрыть неначатую дискуссию и попросить любителей занять свои места.

Вот именно дискутировать-то с неоахматоведением, как и с неопушкиноведением, как и с любым другим оголтелым любительским литературоведением (с конститутивными для агрессивного дилетантизма мотивами: «заговор спецов», «здоровый смысл» и проч.), не нужно и унижительно для филологической науки [Там же, с. 391].

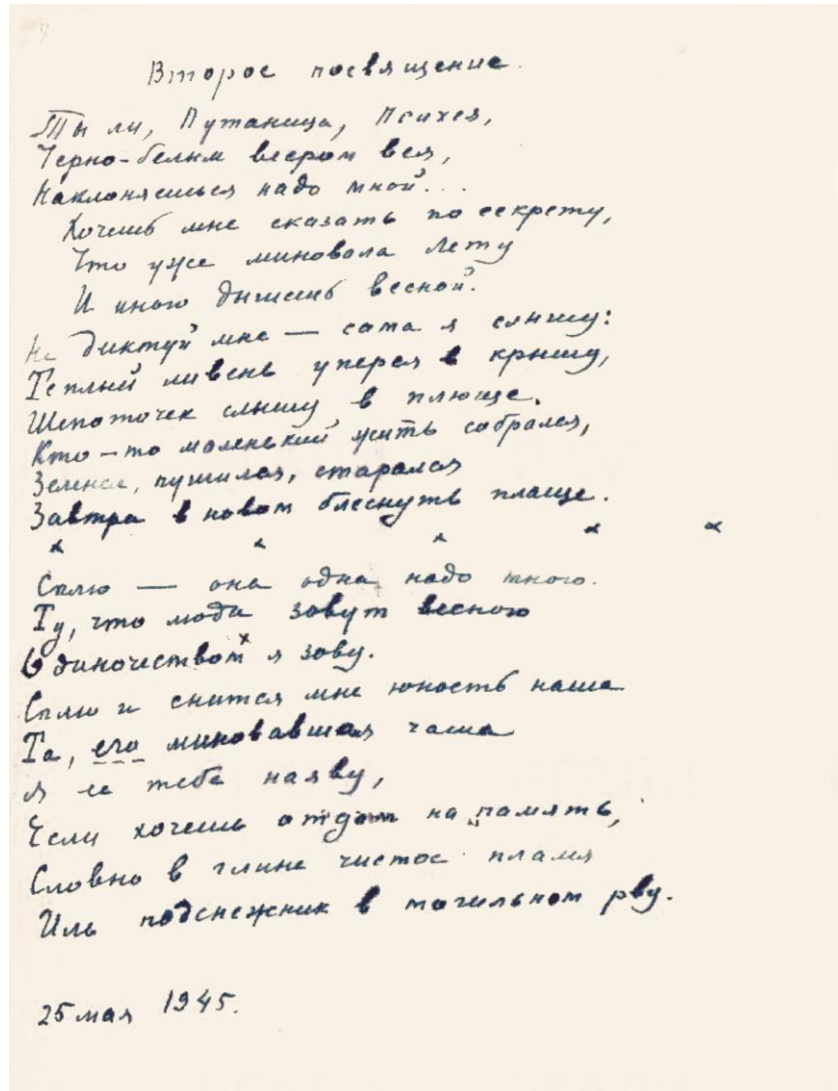
Таким образом, в 2015 г. новая дискуссия относительно «Ахматовианы» А. М. Луценко быстро завершилась. Что касается архива самой Н. Л. Дилакторской, в том числе и машинописного двухтомника, то он готовится к публикации [Дилакторская, 2021, с. 295].

IV

В середине 2010-х гг. отмечается появление новой волны «рукописей Анны Ахматовой». Количество их стремительно возрастало и за десять лет оказалось столь велико, что нанесло серьезный ущерб науке о литературе.

Большинство «рукописей Ахматовой» этого извода имеют общие черты. Во-первых, сразу бросается в глаза почерк – по сравнению с рукописями коллекции А. М. Луценко он совершенно другой, со своими специфическими отличительными чертами. Он не только соблюдает, но даже гипертрофирует особенности почерка Ахматовой, например несоблюдение горизонтали строки; в целом же этот почерк заметно более мелкий и менее разборчивый.

Но есть и общие черты с псевдо-«Ахматовианой»: мы почти не видим типичного для наследия Ахматовой авторизованной машинописи, даже при изготовлении «автографов» тех произведений, которые получили в виде машинописи наибольшее распространение, – «Поэмы без героя» и «Реквиема». Изготовители, вероятно, придерживались мысли, что стоимость рукописей при реализации будет неизмеримо выше, чем у авторизованной машинописи.

«Поэма без героя», Второе посвящение.

Подлинная рукопись Анны Ахматовой, 1940-е гг.

Экземпляр поэмы, подаренный Л. Я. Рыбаковой 22 марта 1946 г.

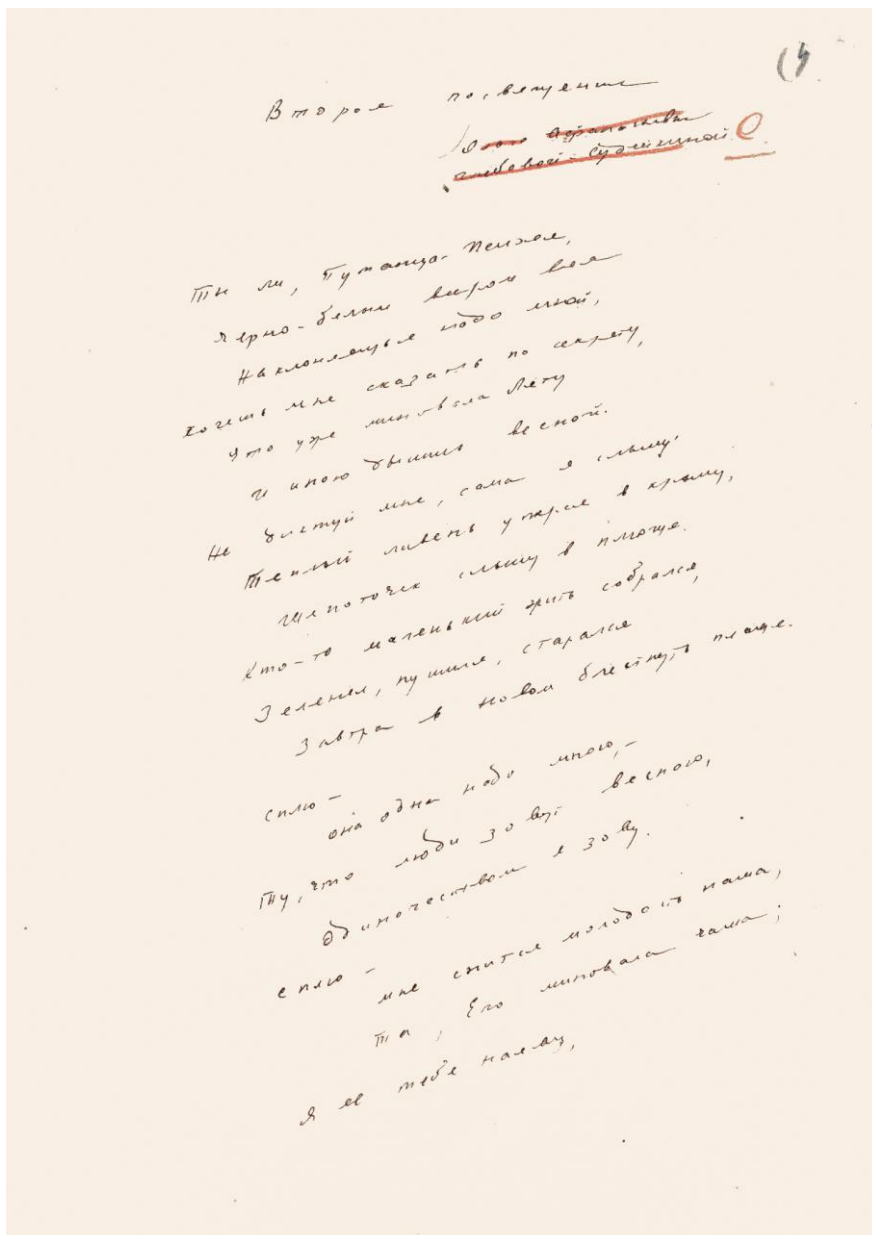
(РГАЛИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 72. Л. 8)

“Poem without a Hero”, Second dedication.

The original manuscript by Anna Akhmatova, 1940s

Leaf of the copy of the poem gifted to Lydia Rybakova on March 22, 1946.

(RGALI, Moscow)

«Поэма без героя», Второе посвящение.
Имитация рукописи Анны Ахматовой, 2010-е гг.
(Sotheby's)
“Poem without a Hero”, Second dedication.
Imitation of the handwriting of Anna Akhmatova, 2010s.
(Sotheby's)

III

Падает бранский, растут у Манташета;
Нет уже юноши, нет уже нашего.

В. Хлебников.

Были светки кострами согреты
И валялись с листов кареты
И весь траурный город пыли
По неведомому назначенью,
По Неве, или против течения —
Только прогв от своих могил.
В летнем тонко пела орлогарка
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл.
И всегда в духоте морозной
Предвоенной блудной и грозной
Потаенный носился гул,
Но тогда он был слышен глухо,
Он почти не касался уха
И в сугробах Невских тонул...

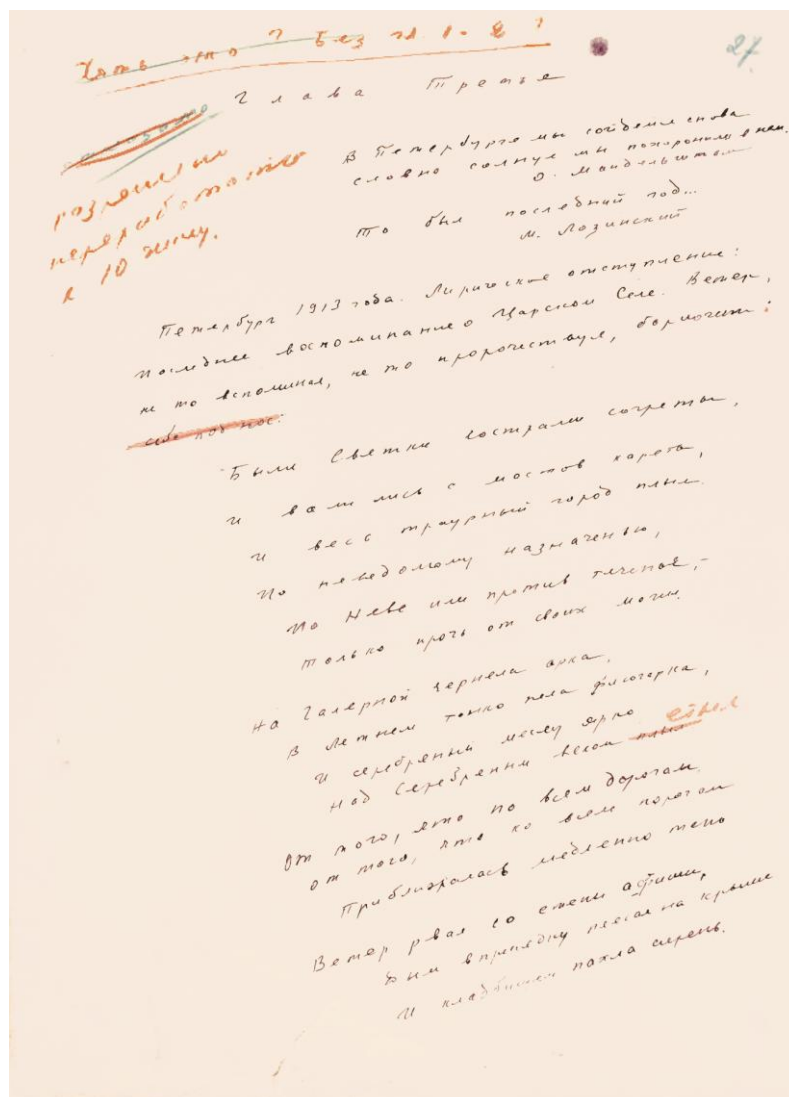
Э-сейчас бы домой скорее
Хамперовы галереи
В ледяной таинственный сад,
Где безмолвны водопад,

«Поэма без героя», начало гл. III.

Подлинная рукопись Анны Ахматовой, 1940-е гг.
(РГАЛИ. Ф. 13. Оп. 10. Д. 68. Л. 16)

“Poem without a Hero”, beginning of ch. III.

The original manuscript by Anna Akhmatova, 1940s
(RGALI, Moscow)

«Поэма без героя», начало гл. III.

Имитация рукописи Анны Ахматовой, 2010-е гг.
(Sotheby's)

“Poem without a Hero”, beginning of ch. III.
Imitation of the handwriting of Anna Akhmatova, 2010s
(Sotheby's)

Но главное – это содержательная часть рукописей нового извода. В псевдо-«Ахматовиане» главным было литературное щегольство – попытка выступить практически соавтором Ахматовой, дополняя ее литературное наследие «затерян-

ными и утраченными» текстами. Теперь же содержание подчеркнуто нелитературное, а заведомо коммерческое, кричащее. Поясним: если это телефонная книжка, которая написана заново фальсификатором, то в ней нет телефонов врачей или машинисток, нет списков лекарств, но гарантированно присутствует пантеон из справочника Союза писателей, и в обязательном порядке – Иосиф Бродский, Фаина Раневская, Ольга Берггольц и прочие хрестоматийные имена. Письма фальсифицируются с претензией на всемирно-историческое значение. Наибольшая пестрота известных персон бросается в глаза при имитации дарительных надписей – это очень звучные адресаты, а текст включает аллюзии к чему-то тоже очень понятному или даже ходульному.

Любопытно гелертерство фальсификаторов: им мало, чтобы вновь написанная рукопись не противоречила биографической канве, но они для убедительности старательно рассыпают в своих новоделах крупинцы подлинной Ахматовой, подобно тому, как средневековые схоласты не могут не опираться на авторитетный текст. Но здесь, безусловно, уже важен анализ синтаксиса писателя, потому что в инскрипте Ахматовой, особенно послевоенного периода, мы можем наблюдать и характерные (устойчивые) обороты, что неминуемо при том обилии книг, которые она подписывала; напомним, что Ахматова раздала более ста экземпляров «Бега времени» (1965) [Записные книжки..., 1996, с. 633].

Рукописи лже-Ахматовой демонстрируют и тенденции, свойственные вообще фальсификатам, в том числе имитируют убедительное происхождение. Если рукописи 1990-х якобы происходили из наследия Н. Л. Дилакторской, то многие фальсификаты нового извода возводятся к устойчивым «ахматовским» гнездам, преимущественно, от В. Е. Ардова (1900–1976), чему доказательством должен служить его экслибрис.

Нельзя не сказать о том, что основная часть рукописей и инскриптов Ахматовой из собрания В. Ардова давно передана в государственные архивы. Оставшиеся же в семье единичные автографы если и поступали в продажу, то не позднее середины 2000-х гг., при этом прилагалась собственноручная расписка М. В. Ардова.

Таков, для примера, подлинный перевод стихотворения Людмилы Эгле «Соловей», к которому приложен лист с распиской рукой М. В. Ардова [Hermitage, 2021, р. 436–437, № 418]:

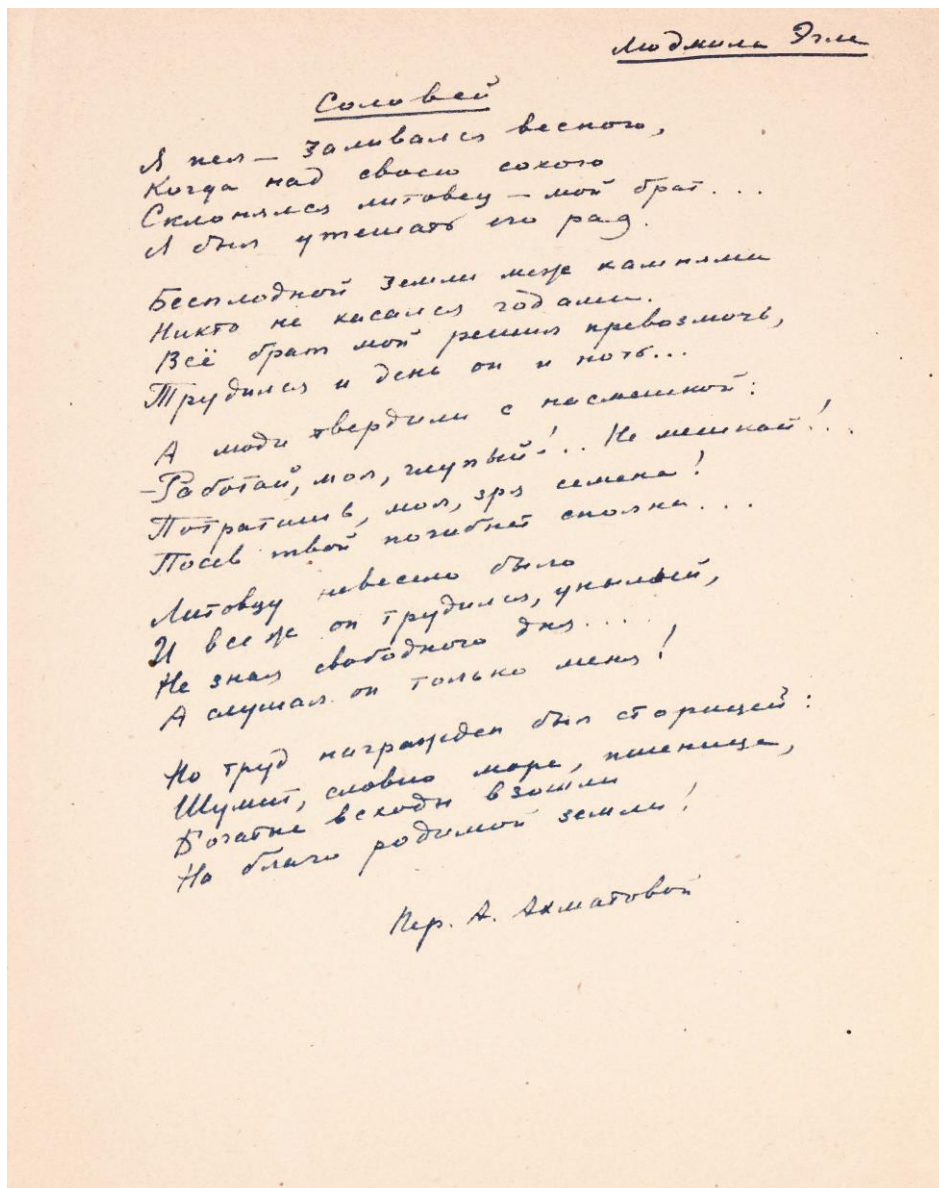
Удостоверение.

Я, Михаил Викторович Ардов, сим удостоверяю, что прилагаемый текст – перевод стихотворения литовской поэтессы Людмилы Эгле – написан рукой Анны Ахматовой.

24 сентября 2004 г.

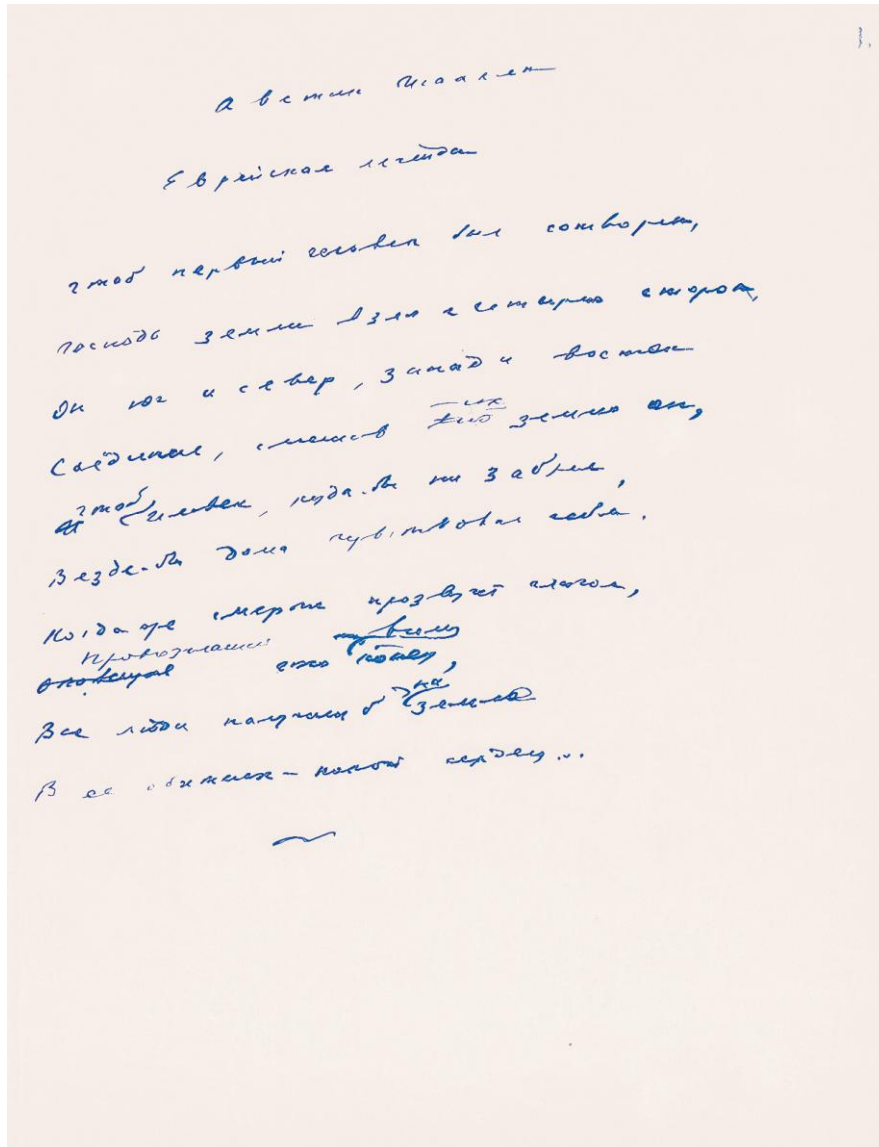
Прот. М. Ардов

Рукописи Ахматовой «нового извода» удостоверяются экслибрисом В. Е. Ардова на рукодельных папках-обложках, в которые эти рукописи искусственно уложены, как будто они прошли архивную обработку еще при жизни собирателя; нередко экслибрис сопровождается «дарительной надписью» А. А. Ахматовой В. Е. Ардову. При этом поскольку обширная библиотека В. Е. Ардова была распродана, то покупка книги ради его экслибриса – доступный способ получения экслибриса для дальнейшего употребления фальсификаторами.

Перевод стихотворения Людмилы Эгле «Соловей»
Подлинная рукопись Анны Ахматовой, ок. 1960 г.
Происходит из собрания В. Е. Ардова

Translation of Lyudmila Egle's poem "The Nightingale"
The original manuscript by Anna Akhmatova, ca. 1960.
Came from the Victor Ardiv's archive

Перевод стихотворения Аветика Исаакяна «Еврейская легенда»
Имитация рукописи Анны Ахматовой, 2010-е гг.
Translation of Avetik Isahakyan's poem "Jewish Legend"
Imitation of the handwriting of Anna Akhmatova, 2010s

Формальной экспертизы этих рукописей не проводится, хотя и это не давало бы никаких гарантий в силу малой квалификации многих «экспертов»: «Широко простирает халтура крылья свои в дела человеческие, и мне, например, приводилось видеть скрепленное гербовыми печатями и выписками из пособий по криминалистике удостоверение подлинности ахматовского автографа на листке из альбома, где стихотворение, тщательно исполненное почерком, диаметрально противоположным ахматовскому, было снабжено четкой подписью “Арс. Альвинг” – см. о нем статью в словаре “Русские писатели. 1800–1917”» [Тименчик, 2015, с. 391].

В этой связи нельзя не отметить прецедент, когда на аукционе в Лондоне под видом подлинников 1950–1960-х гг. были выставлены рукописи «Поэмы без героя» и «Реквиема» описанного нами типа, якобы происходившие из коллекции В. Е. Ардова, что подтверждали экслибрисы и дарительные надписи [Sotheby’s, 2019, р. 2, 14–16, № 12, 13]. После консультаций с ведущими специалистами по творчеству Ахматовой эти рукописи были сняты с торгов.

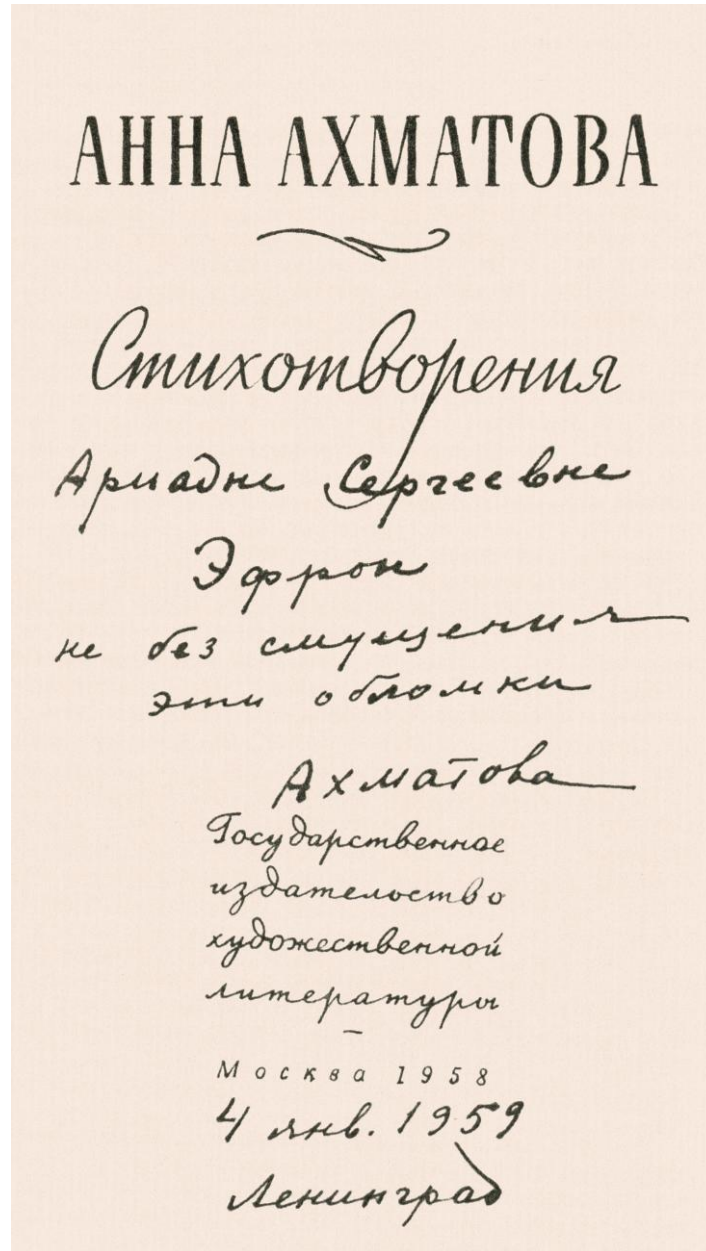
V

Частные случаи фальсификации рассмотрим на примере дарительных надписей. Особенно важно обратиться к ним потому, что поток вновь выявляемых инскриптов Ахматовой обращает на себя внимание как числом, так и парадом адресатов. Конечно, среди них мы усматривали и оригинальные, для решения о подлинности других нам потребовалась более квалифицированная экспертиза; однако основная часть – это те, в которых по почерку без всяких замешательств виден фальсификат.

Это инскрипты Ахматовой, адресованные великим современникам; последнее легко объяснимо – дарительная надпись «звезда – звезде» мало кого может оставить равнодушным. Собрав через несколько лет изображения этих безупречных подделок вместе, мы увидели величественный пантеон.

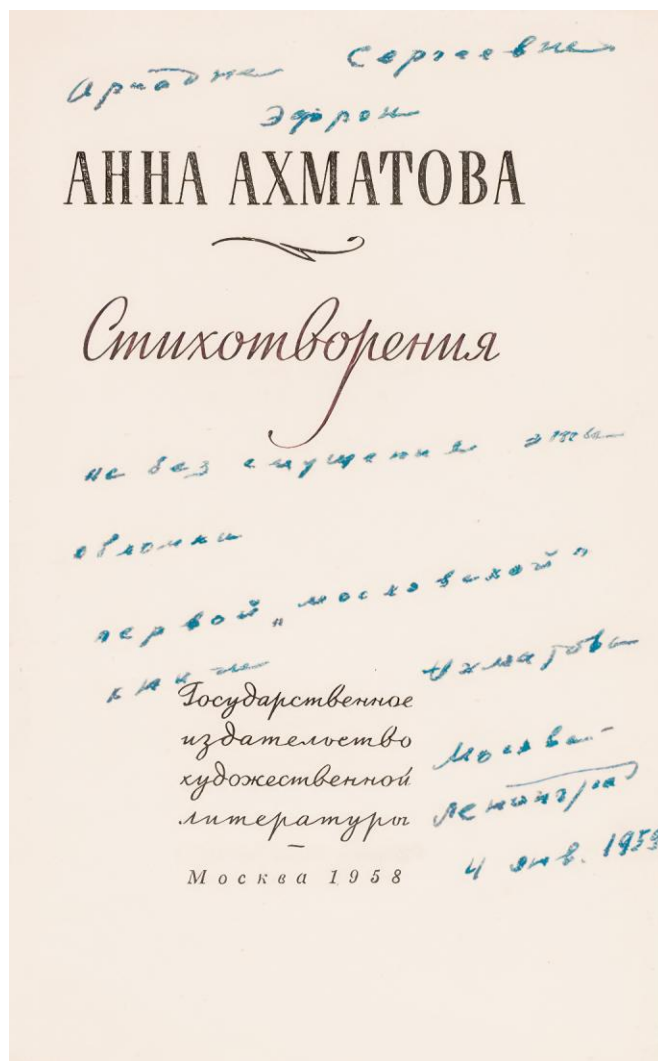
Вот неполный перечень таких дарительных надписей: Иосифу Бродскому (1 [24 III 1963], 2 [29 X 1963], 3 [6 X 1965], 4 [6 X 1965]), Михаилу Булгакову (5 [4 VI 1937]), Елене Булгаковой и Сергею Шиловскому (6 [16 XII 1958]), Юрию Герману (7 [29 VIII 1961]), Александру Есенину-Вольпину (8 [25 X 1965]), Анатолию Луначарскому (9 [30 III 1933] с приложением сопроводительного письма Б. В. Томашевского – 10 [31 III 1933]), Фаине Раневской (11 [26 IX 1943], 12 [14 V 1961]), Давиду Самойлову (13 [31 XII 1963]), Никите Струве (14 [19 VI 1965], с приложением стихотворения в той же книге), Арсению Тарковскому (15 [25 XI 1965], 16 [30 V 1964]), Николаю Харджиеву (17 [25 I 1966]), Варлааму[!] Шаламову (18 [28 XII 1964]), детям Дмитрия Шостаковича (19 [19 VII 1965]), Илье Эренбургу (20 [28 II 1966] с приложением записки ему же), Ариадне Эфрон (21 [4 I 1959])... Внушительность списка побудила заручиться мнением более квалифицированного специалиста, и мы еще раз выражаем признательность Р. Д. Тименчику, который подтвердил наши выводы.

Мы же избрали примеры, которые не столько позволяют распознать фальсификат по почерку, сколько обнаруживают неоригинальность со стороны литературоведческой.

Подлинная дарительная надпись Анны Ахматовой Ариадне Эфрон
на книге «Стихотворения» (1958), 4 января 1959 г.
(Собрание Л. М. Турчинского)

The original inscription of Anna Akhmatova to Ariadne Efron
on the "Poems" (1958), January 4, 1959.
(Lev Turchinsky's rare book collection)

Позднейшая имитация дарительной надписи Анны Ахматовой
Ариадне Эфрон на книге «Стихотворения» (1958)
Forged inscription to Ariadne Efron on the “Poems” (1958)

1. Дарительная надпись Ахматовой от 4 января 1959 г., адресованная Ариадне Эфрон, дочери Марины Цветаевой: *Ариадне Сергеевне | Эфрон | не без смущения эти | обломки | первой “московской” | книги | Ахматова | Москва | Ленинград | 4 янв. 1959*. При продаже (2020) указывалось, что автограф этот описан в «Летописи жизни и творчества Анны Ахматовой», что правда, хотя текст в публикации указан несколько иначе: «Ариадне Сергеевне Эфрон не без смущения эти обломки. Ахматова». Отметим, что разночтения между инскриптом в «Летописи»

и подлинником – не редкость; это объясняется как иной задачей «Летописи» (скажем, дата в цитате не указывается, поскольку инскрипты распределены по хронологии), так и тем, что многие дарительные надписи цитируются в «Летописи» по другим публикациям, порой не свободным от неточностей. Однако в настоящем случае инскрипт фальсифицирован, притом с выдумкой (источник ее в другом инскрипте из «Летописи» – «мою первую московскую книгу» (А. Е. Крученых) [Черных, 2016, 19 декабря 1958]), что, как мы упомянули, характерно для изготовителей – «замешивать» фрагменты подлинных текстов в фальсификат.

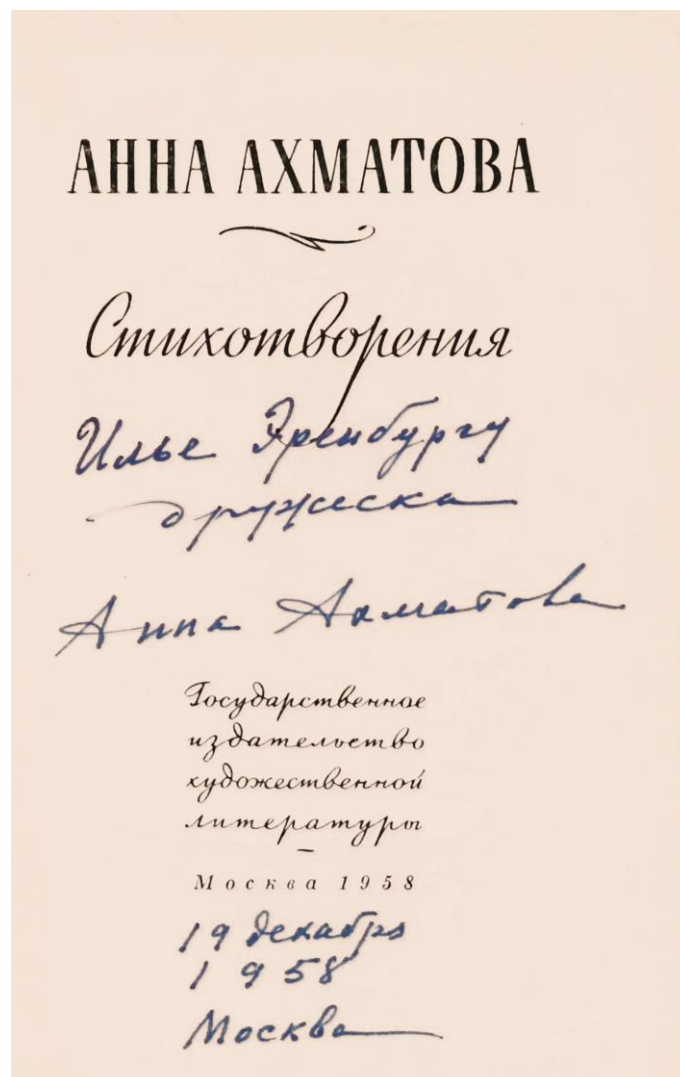
Однако создание таких фальсификатов таит для изготовителей опасность: при обнаружении оригинального инскрипта их легко разоблачить. В данном же случае местонахождение оригинала науке было известно, так что сопоставление не составило особого труда. Экземпляр с дарительной надписью Ахматовой сохранился в коллекции Л. М. Турчинского, причем он был даже воспроизведен в 1989 г. в подготовленных им к печати воспоминаниях Ариадны Эфрон [Эфрон, 1989, с. 261], и по этой публикации текст инскрипта попал в «Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой».

2. Автограф И. Г. Эренбургу от 28 февраля 1966 г., т. е. как бы написанный за пять дней до смерти. Учитывая то, что он был неизвестен Б. Я. Фрезинскому (1941–2020), четыре десятилетия изучавшему жизнь и творчество Эренбурга, автору работы «Эренбург и Ахматова...» [Фрезинский, 2002], требуется рассмотреть его внимательнее. Более того, дочь Эренбурга Ирина передала Б. Я. Фрезинскому книги с инскриптами Ахматовой, а он в 2017 г. подарил их в Фонтанный Дом.

И вот новый инскрипт, на книге «Бег времени»: *Глубокоуважаемому Илье / Григорьевичу Эренбургу и его / славной Ирочке / С благодарностью / за все... / Дружески / Анна Ахматова / 28 фев. 1966 / Москва.*

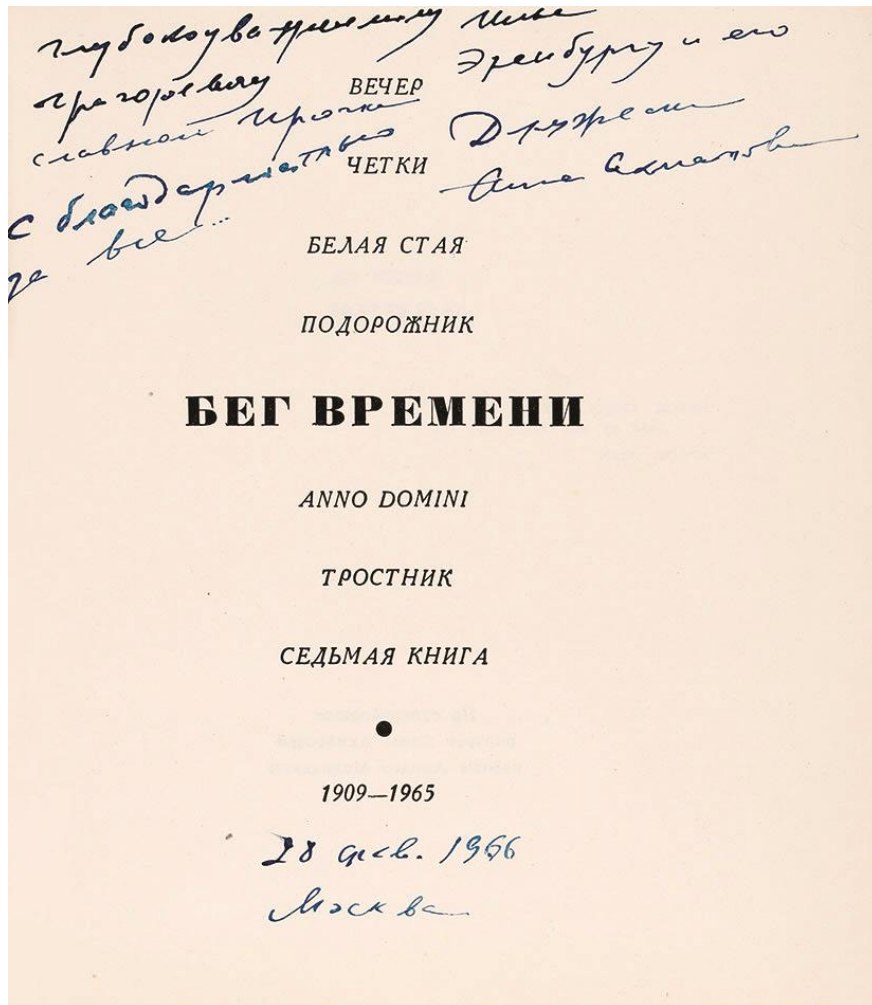
Напомним тезис, что дарительные надписи «представляют исключительный интерес не только как источник сведений об упомянутых в них лицах, но и как собственно лингвистический объект» [Зализняк, 2013, с. 516]. Иначе говоря, при литературоведческом анализе необходимо рассматривать инскрипт как отдельный жанр в творчестве писателя не только с историко-литературной, но и с лингвистической стороны. Рассмотрение этого инскрипта, по нашему мнению, не дает оснований признать его авторство за Ахматовой, поскольку мы наблюдаем в нем несвойственную ее инскриптам особенность.

Речь про обращение «Глубокоуважаемому», которое в дарительных надписях Ахматовой не зафиксировано. И вряд ли можно представить, чтобы Ахматова употребила его в дружеском инскрипте, особенно Эренбургу. Все-таки Ахматова и Эренбург к тому времени были лично знакомы больше сорока лет (с марта 1924 г.), а заочное знакомство состоялось еще раньше – в декабре 1913 г. Эренбург рассматривал поэзию Ахматовой в статье «Заметки о русской поэзии» [Черных, 2016, 1913 декабрь]. Когда Эренбург подписывал ей книгу «Верность», то начертил «Анне Андреевне Ахматовой с любовью» [Черных, 2016, 1 июня 1941], известны подлинные автографы Ахматовой: «Илье Эренбургу на память об Ахматовой» [Там же, 5 июня 1941], «Илье Эренбургу дружески Анна Ахматова» [Там же, 19 декабря 1958].

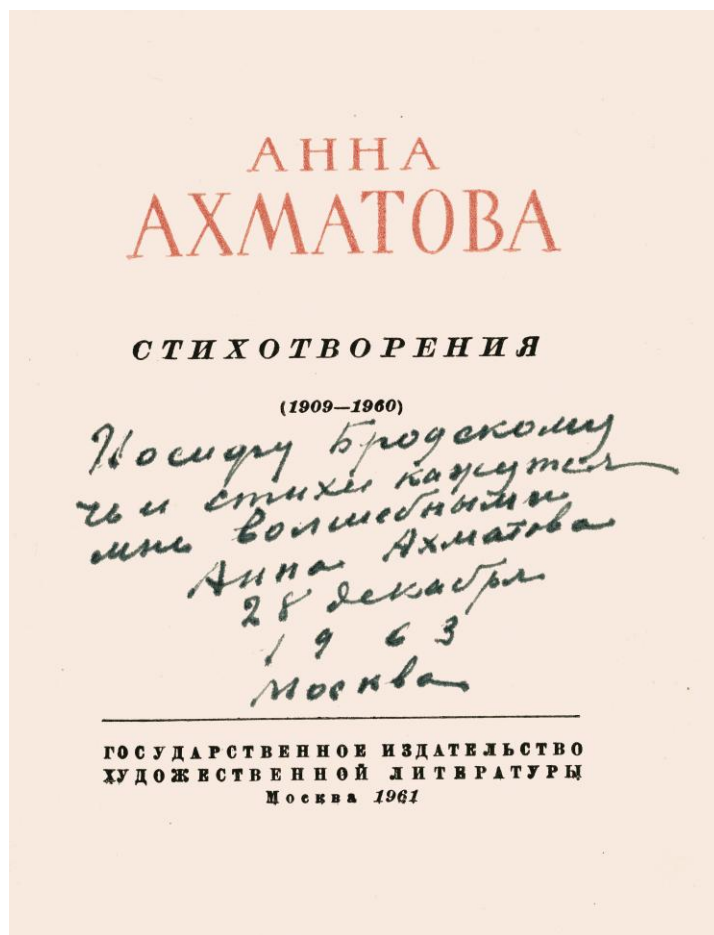
Подлинная дарительная надпись Анны Ахматовой Илье Эренбургу
на книге «Стихотворения» (1958), 19 декабря 1958 г.
(Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, Санкт-Петербург, инв. ОФ-5096)

The original inscription of Anna Akhmatova to Ilya Ehrenburg
on the "Poems" (1958), December 19, 1958.
(Museum of Anna Akhmatova in the Fountain House, St. Petersburg)

Позднейшая имитация дарительной надписи Анны Ахматовой Илье Эренбургу на книге «Бег времени» (1965).
Forged inscription to Ilya Erenburg on the book
“The Running of Time” (“Beg vremeni”) (1965)

Если взять иной тип рукописного источника – эпистолярный, то и здесь Ахматова обращается к Эренбургу иначе, хотя бы и с отчеством. В достаточно деловом письме: «Дорогой Илья Григорьевич» [Черных, 2016, 1 марта 1950]; телеграмма к 60-летию: «Дорогой Илья Григорьевич...» [Там же, 27 января 1951]; десять лет спустя: «Строгого мыслителя, зоркого бытописателя, всегда поэта поздравляет с сегодняшним днем его современница Анна Ахматова» [Там же, 26 января 1961].

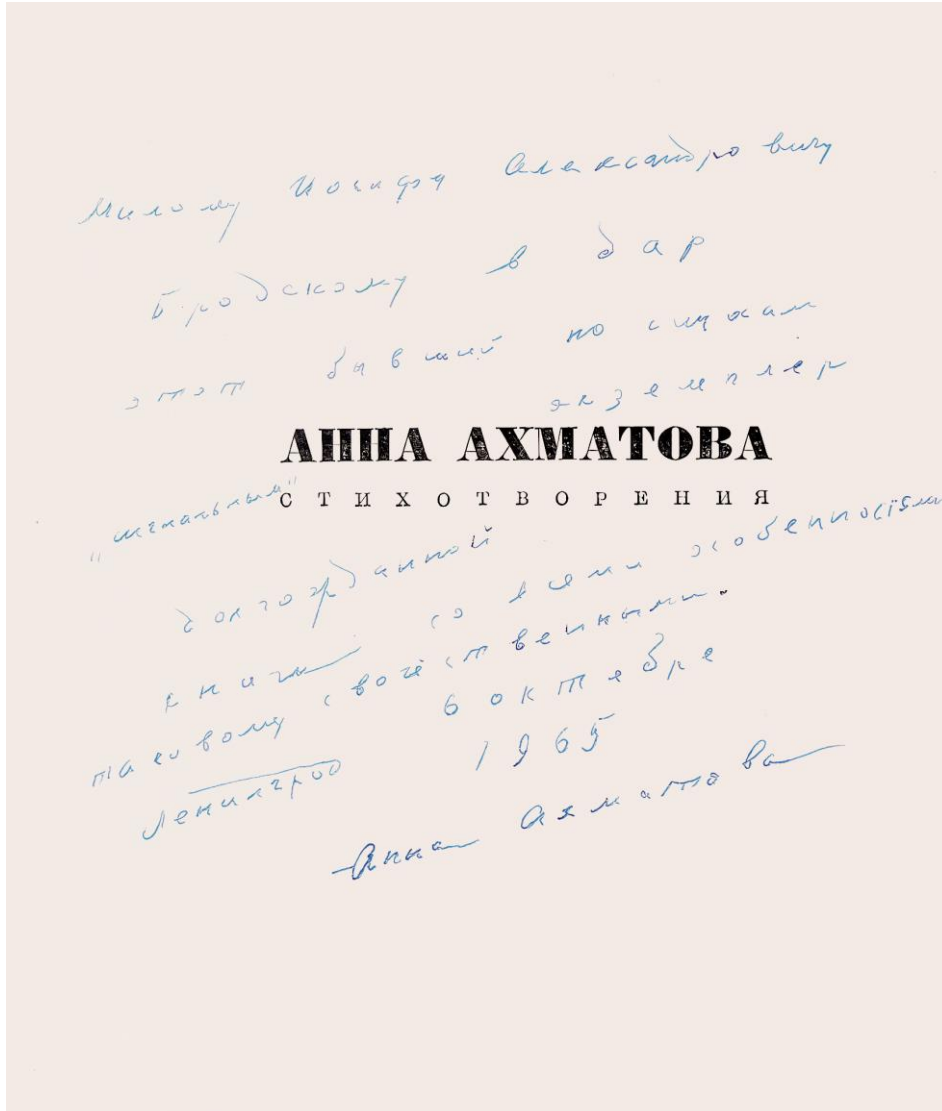

Подлинная дарительная надпись Анны Ахматовой Иосифу Бродскому на книге «Стихотворения» (1961), 28 декабря 1963 г. (Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, Санкт-Петербург, инв. ОФ-3024)

The original inscription of Anna Akhmatova to Joseph Brodsky on the "Poems" (1961), December 28, 1963 (Museum of Anna Akhmatova in the Fountain House, St. Petersburg)

По-видимому, само обращение «глубокоуважаемому» имело для Ахматовой особый смысл, ему придавалось поистине исключительное значение. Это доказывает другим типом источника – эпистолярием. Приведем эти единичные примеры: «Глубокоуважаемому Иосифу Виссарионовичу» – после ареста Н. Н. Пунина и Л. Н. Гумилева [Черных, 2016, 1 ноября 1935]; «Глубокоуважаемому Иосифу Виссарионовичу» – после ареста Л. Н. Гумилева [Там же, 24 апреля 1950]; «Глубокоуважаемому Клименту Ефремовичу» Ворошилову – с воплем «Умоляю Вас спасти моего единственного сына, который находится в исправительно-трудовом

лагере» [Черных, 2016, 8 февраля 1954]; «Глубокоуважаемому и дорогому Николаю Иосифовичу» Конраду – «Я очень прошу Вас, Николай Иосифович, верить, что все, что вы сделали для моего сына, а следовательно для меня, останется самым светлым воспоминанием на фоне моих страшных лет» [Записные книжки..., 1996, с. 7].

Позднейшая имитация дарительной надписи Анны Ахматовой
Иосифу Бродскому на книге «Бег времени» (1965)

Forged inscription to Joseph Brodsky
on the book "The Running of Time" ("Beg vremeni") (1965)

3. «Автограф» Ахматовой, о котором нельзя не сказать – инскрипт на сборнике стихотворений 1961 г.: *Иосифу Бродскому / от третьего петербургского / Сфинкса на память / Анна Ахматова / 24 марта 1963 г.* Более чем интересно проследить, как этот инскрипт появился на свет.

В 1989 г. в сборнике научных трудов ГПБ Н. И. Крайневой и В. Н. Сажиним были опубликованы неизвестные материалы из фонда Ахматовой, посвященные ее поэтическому диалогу с Иосифом Бродским. В качестве комментария впервые был процитирован и оставленный Ахматовой для памяти листок, на котором она записала свой собственный инскрипт. Привычка Ахматовой записывать в последние годы некоторые дарственные надписи известна, их немало сохранилось в Записных книжках; но при их изучении очевидны и расхождения. Вероятно, Ахматова оставила в записных книжках черновики своих записей, поскольку отнеслась к своим дарственным надписям серьезно. Приведем фрагмент публикации:

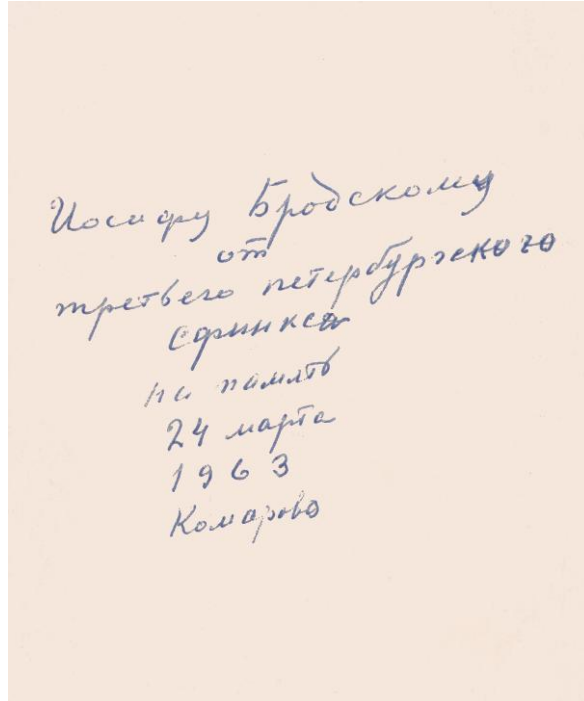
В марте 1963 г. Ахматова сделала дарственную надпись Бродскому на, видимо, недавнем, 1961 г., издании своих стихотворений (автокопия надписи имеется в архиве Ахматовой). В ней использованы две строки из второго из присланных ей Бродским 24 июня 1962 г. стихотворения. Вот текст надписи Ахматовой:

*Иосифу Бродскому
от третьего петербургского сфинкса
на память
24 марта
1963
Комарово
И. Б.
Разделение не болью не бременем
и хоть странно, но все ж не судьбой.
А.
24 марта
1963
Комарово.*

Вводя в текст своей дарственной надписи Бродскому строки его стихотворения, Ахматова тем самым как бы подтверждала справедливость его мысли о сходстве их судеб [Крайнева, Сажин, 1989, с. 199].

Не вполне ясно, копия одного инскрипта перед нами или же копия двух, сделанных на одном листе. Судя по дате и топографии, речь все же о двух. Поскольку экземпляр, подаренный Бродскому, не был выявлен, то публикаторы и предположили, что надпись была сделана «на, видимо, недавнем, 1961 г., издании своих стихотворений».

В 2008 г. В. А. Черных, сославшись на публикацию 1989 г., включил сведения об этом инскрипте в «Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой», но уже без всяких оговорок: «<1963 года> марта 24. Дарственная надпись А. А<хматовой>. на Ст. 61 <Стихотворениях 1961 года>: “Иосифу Бродскому от третьего Петербургского сфинкса на память”» [Черных, 2008, с. 604].

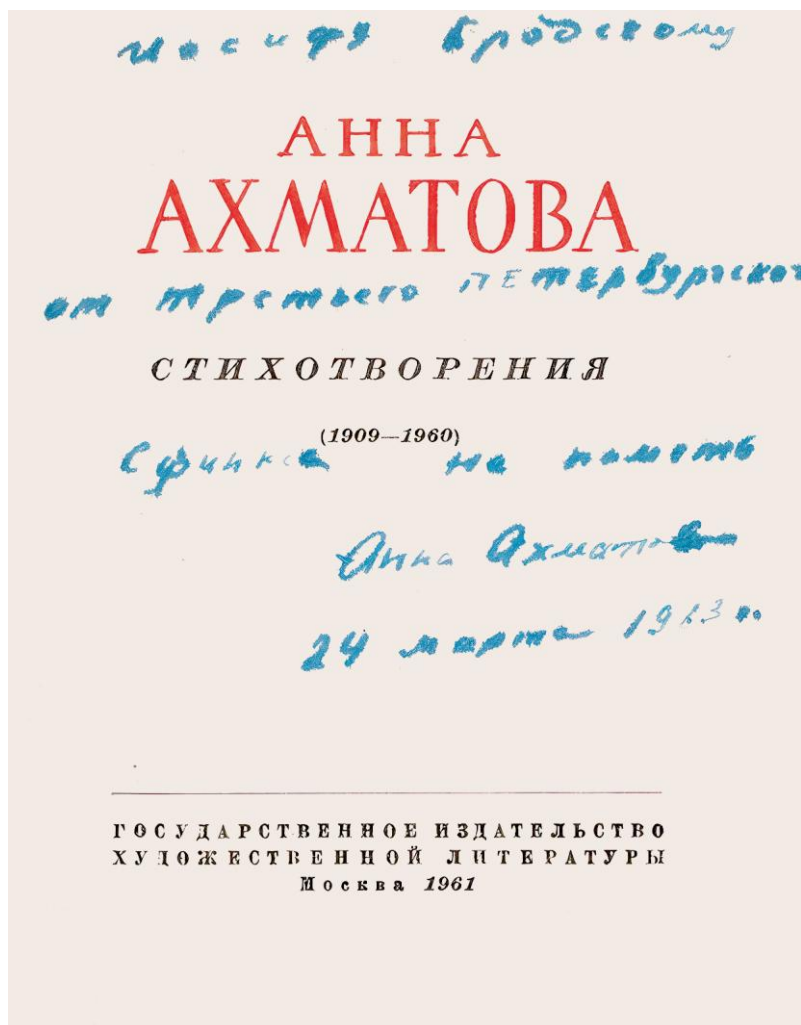
Подлинная дарительная надпись Анны Ахматовой Иосифу Бродскому на обороте фотографии в позе сфинкса, 24 марта 1963 г. (Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, Санкт-Петербург, инв. КП-5488)

The original inscription of Anna Akhmatova to Joseph Brodsky on the back of the photo in the pose of a sphinx, March 24, 1963 (Museum of Anna Akhmatova in the Fountain House, St. Petersburg)

Но еще в 1990-м г. в Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме поступила фотография Ахматовой в позе сфинкса – известный в ахматовской иконографии снимок, сделанный в 1926 г. Н. Н. Пуниным (КП-5488). Это был небольшой отпечаток размером 11,2 × 7,8 см, на обороте которого имелась дарительная надпись Ахматовой синими чернилами:

*Иосифу Бродскому
от
третьего петербургского
сфинкса
на память
24 марта
1963
Комарово*

К 100-летию со дня рождения Юрия Николаевича Чумакова

Позднейшая имитация дарительной надписи Анны Ахматовой
Иосифу Бродскому на книге «Стихотворения» (1961)
Forged inscription to Joseph Brodsky on the “Poems” (1961)

В 1996 г. текст его был процитирован в каталоге выставки «Петербург Анны Ахматовой» [La Pietroburgo, 1996, p. 230, № 219]. В 2005 г. был опубликован еще один вариант инскрипта, уже по копии рукой П. Н. Лукницкого, поступившей в составе его архива в Пушкинский Дом: *От третьего петербургского сфинкса* с указанием, что он был адресован И. А. Бродскому и сделан на фотографии, на которой Ахматова запечатлена в позе сфинкса [Н. Гумилев, А. Ахматова..., 2005, с. 115]. В 2007 г. Р. Д. Тименчик, повествуя о биографии М. А. Сапарова, отды-

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2023. № 1

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 1

хавшего в марте 1963 г. в Доме творчества в Комарово, также упоминает об этом инскрипте: «24 марта Иосиф Бродский приезжал в Комарово – там ему надписана фотография Ахматовой “От третьего петербургского сфинкса”» [Тименчик, 2007, с. 181].

Нельзя не отметить, что в литературе встречается утверждение, будто надпись в формулировке «От третьего петербургского сфинкса» А. Ахматова делала на этой фотографии Н. Н. Пунина не раз – «когда дарила друзьям» [Анна Ахматова..., 2003, с. 9] или «когда подписывала друзьям» [«Под знаменитой...», 2004, с. 49]. Поэтому важно сделать акцент на том, что известен единственный адресат, которому эта надпись предназначалась – И. А. Бродский. И он этот инскрипт от Ахматовой получил 24 марта 1963 г. в Комарово.

Но сколько этих инскриптов все-таки было? Сегодня считается, что два:

Ахматова заботилась о том, чтобы современники все же помнили о ее сфинксе, с помощью которого, хотя и в шуточном виде, она поддерживала свою репутацию *femme fatale*. Об этом свидетельствуют факты дарения фотографии и инскрипты, сделанные на преподнесенных экземплярах. <...> В 1963 году она преподнесла фотографию Бродскому, сделав на обороте надпись в ином ключе: «Иосифу Бродскому от третьего петербургского сфинкса на память 24 марта 1963. Комарово». Аналогичная надпись была сделана ею на книге «Стихотворения» (1961): «Иосифу Бродскому от третьего петербургского сфинкса на память Анна Ахматова 24 марта 1963 г.» [Игошева, 2021, с. 397].

Но до обретения фотографии было высказано, повторимся, лишь *предположение*, что «Ахматова сделала дарственную надпись Бродскому на, видимо, недавнем, 1961 г., издании своих стихотворений». После поступления фотографии Н. Н. Пунина на музейное хранение и ее публикации в 1996 г. стал понятен смысл и неразрывная смысловая связь этого инскрипта с фотографией. Так что никакой книги 1961 г. с автографом «от третьего петербургского сфинкса» никогда не существовало. Говоря словами Ахматовой,

Ты выдумал меня. Такой на свете нет.
Такой на свете быть не может.

Исток этой ошибки – в «Летописи жизни и творчества Анны Ахматовой», когда В. А. Черных, во-первых, снял дубиальность, во-вторых, упустил к тому времени уже введенный в научный оборот фотоотпечаток с инскриптом. Так была рождена легенда об экземпляре «Стихотворений» (1961), существующая поныне [Черных, 2016, с. 732]. Безусловно, это малозначительное упущение на фоне огромного числа привлеченных к «Летописи» источников и грандиозности этой работы в целом.

Но именно эта накладка в «Летописи» оказалась решающей в рассматриваемом нами случае: неразысканный экземпляр сборника стихотворений не только продолжал участвовать в построении научных концепций, но и был отмечен фальсификаторами в качестве удачного варианта для воплощения своих замыслов. Так был создан лжеинскрипт, который как будто не только реально существовал, но и подтвержден «Летописью».

Заключение

Изложенные наблюдения фиксируют непростую ситуацию, которая сложилась к настоящему времени в текстологии Анны Ахматовой. Это связано как с продолжающимся не одно десятилетие фальсифицированием ее рукописей, так и с отсутствием авторитетной академической инстанции, силами которой было бы возможно коллегиальное рассмотрение и распознавание, а также научная фиксация фальсификатов. Это не только препятствовало бы их дальнейшему распространению в качестве подлинников, но и способствовало бы уменьшению масштабов их производства. Одновременно мы наблюдаем характерные в подобных случаях разногласия в научном сообществе, когда недостаточная текстологическая квалификация некоторых историков литературы, характеризующаяся слабостью критического подхода, компенсируется горячим желанием введения нового источника, хотя бы и сомнительного, в научный оборот.

При этом неоспорима и уникальность сложившегося с рукописным наследием Анны Ахматовой положения. Указанные обстоятельства позволяют рекомендовать более внимательно отнестись не только к вновь выявляемым рукописям А. Ахматовой, но и ко всем рукописным материалам, которые были введены в научный оборот в последние десятилетия. В этой связи мы считаем весьма плодотворной высказанную не так давно мысль об издании в составе будущего собрания сочинений А. Ахматовой тома «Рукой Ахматовой», по примеру пушкинского издания 1935 г., который был бы сводом сохранившихся рукописей поэта [Тименчик, 2022]. Подготовка такого издания позволила бы критически рассмотреть все материалы, которые претендуют называться рукописями А. Ахматовой.

Список литературы

Анна Ахматова и ее современники: на фоне Петербурга – Ленинграда: Альбом избранных произведений графики Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. М.: МТН клуб, 2003. 190 с.

Ахматова А. Собр. соч.: В 6 т. / Сост. Н. В. Королева. М.: Эллис Лак, 1998. Т. 1. 968 с.; 1999. Т. 2, кн. 2. 528 с.

Ахматова А. Соч.: В 3 т. / Ред. Г. П. Струве, Н. А. Струве, Б. А. Филиппова. Париж: Умса-Press, 1983. Т. 3. 636 с.

Ахматова А. Стихи и варианты / Подпись публикатора «Александр С-в. Москва» // Часть речи: Альманах литературы и искусства. Нью-Йорк: Серебряный век, 1981. № 2–3. С. 15–19.

Варава Б. Н. Воспоминания сибирского книжника и антиквара (в поисках Серебряного века). М.: Среди коллекционеров, 2013. 303 с.

Варава Б. Н. Еще раз об автографах Анны Ахматовой // Про книги: Журнал библиофила. 2014. № 2 (30). С. 23–32.

Великодная И. Л. Коллекция автографов // Библиотекословедение. 2016. Т. 1, № 1. С. 55–59.

Дажуниц Э. «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать» // Петербург Экспресс. 2001. № 16, 24 апр. С. 18.

Дилакторская Е. С. Ахматовский архив Наталии Дилакторской // Русский Север – 2021: проблемы изучения и сохранения культурного наследия. Рубцовские

чтения: Сб. материалов V Всерос. науч. конф. / Отв. ред. О. В. Полоцкая. Вологда: Полиграф-периодика, 2021. С. 284–295.

Зализняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: ЯСК, 2013. 635 с.

Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой; вступ. ст. Э. Г. Герштейн; науч. консульт., указатели В. А. Черных. М.; Torino: Giulio Einaudi editore, 1996. 850 с.

Зусева-Озкан В. Б. «Сверхтекст» Е. И. Замятина о деве-воительнице. Статья первая // Текст. Книга. Книгоиздание. 2021. № 27. С. 18–38. DOI 10.17223/23062061/27/2

Зусева-Озкан В. Б. Пьеса М. Е. Лёвберг «Дантон» (1919) и сюжет о Юдифи // Русская литература. 2022. № 1. 240–247. DOI 10.31860/0131-6095-2022-1-240-247

Игошева Т. Роман М. А. Зенкевича «Мужицкий сфинкс»: О семантике заглавия // Русский модернизм и его наследие: Коллективная монография в честь 70-летия Н. А. Богомолова. М.: НЛЮ, 2021. С. 381–402.

Искусство автографа: инскрипты писателей и художников в частных собраниях российских библиофилов: В 2 т. / Сост. М. В. Сеславинский. М.: Бослен, 2015. Т. 1. 375 с.

Крайнева Н. И., Сажин В. Н. Из поэтической переписки А. А. Ахматовой // Проблемы источниковедческого изучения истории русской и советской литературы: Сб. науч. тр. / ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; науч. ред. В. Н. Сажин. Л., 1989. С. 191–202.

Краснобородько Т. И. История одной мистификации (Мнимые пушкинские записи на книге Вальтера Скотта «Айвенго») // Легенды и мифы о Пушкине / ИРЛИ (Пушкинский Дом). СПб.: Академический проект, 1995. С. 277–289.

Краюхин С. Н. Стихотворение «Юдифь» Ахматова все-таки написала // Известия. 1997. № 111, 18 июня. С. 5.

Луценко А. М. (сост). Автограф № 3 [Рукописи А. Ахматовой из коллекции А. М. Луценко] / Публ. А. М. Луценко; коммент. А. М. Луценко при участии М. М. Кралина / Всерос. музей А. С. Пушкина; Клуб библиофилов «Бироновы конюшни». СПб., 1998. 28 с.

Мусатов В. В. «В то время я гостила на земле...»: лирика Анны Ахматовой. М.: Словари.ру, 2007. 494 с.

Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Наука, 2005. 342 с.

Пильщиков И. А., Шапир М. И. Текстология vs аксиология: Еще раз об авторстве баллады «Тень Баркова» // Антропология культуры. М.: Новое издательство, 2005. Вып. 3: К 75-летию В. В. Иванова. С. 219–248.

«Под знаменитой кровлей Фонтанного дворца»: путеводитель по музею Анны Ахматовой в Фонтанном Доме / Авт.-сост.: Л. Ю. Копылов и др. СПб.: Дельта, 2004. 111 с.

Рейсер С. А. Основы текстологии. 2-е изд. Л.: Просвещение, 1978. 175 с.

Рубинчик О. «В ста зеркалах»: «Ахматовские чтения – 2000» и современное состояние ахматоведения [Начало] // Русская мысль. 2000. № 4312, 6–12 апр. С. 12.

Рутман М. Стихи из тайника: Точка в споре о, возможно, сенсационном открытии в литературоведении до сих пор не поставлена // Санкт-Петербургские ведомости. 2000. № 193, 19 окт. С. 3.

Савченко С. «И лодка плывет, презирая века...»: Неизвестные стихи Анны Ахматовой // Горница. 1997. № 2. С. 89–92.

Сажин В. Н. Мнимая и подлинная репутация: об А. М. Луценко и его «Ахматовиане» // Про книги: журнал библиофила. 2015. № 2 (34). С. 63–73.

Сеславинский М. В. Библиофильский венок Анне Ахматовой: к 125-летию со дня рождения: автографы в собрании М. Сеславинского: [Каталог]. М.: Про книги: Журнал библиофила, 2014. 175 с.

Тименчик Р. Д. Ахматова в частных собраниях: заметки литературоведа: [Доклад на круглом столе НСБ по случаю 125-летия со дня рождения А. А. Ахматовой в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме]. СПб., 27 июня 2014 г.

Тименчик Р. Д. Об академическом издании сочинений Ахматовой: [Доклад на заседании круглого стола «Проблемы издания А. Ахматовой, О. Мандельштама и Н. Мандельштам» 20 января 2022 г. в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме]. URL: [http:// pushkinskiydom.ru/wp-content/uploads/2022/03/O-SOBRANII-SOCH-Strah-i-Muza.pdf](http://pushkinskiydom.ru/wp-content/uploads/2022/03/O-SOBRANII-SOCH-Strah-i-Muza.pdf) (дата обращения 22.11.2022).

Тименчик Р. Д. Рец. на кн.: Кралин М. М. Победившее смерть слово: Статьи об Анне Ахматовой и воспоминания о ее современниках. Томск, Водолей, 2000 // Новая русская книга. 2000. № 6. С. 67–69.

Тименчик Р. Д., Лавров А. В. Материалы А. А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома // ЕРОПД на 1974 год. Л.: Наука, 1976. С. 53–82.

Тименчик Р. Д. Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский научный сборник. Симферополь: Крымский Архив, 2007. Вып. 5. С. 156–189.

Тименчик Р. Д. О чести, простите, мундира [Отклик на статью В. Н. Сажина «Мнимая и подлинная репутация: об А. М. Луценко и его “Ахматовиане”»] // Новое литературное обозрение. 2015. № 5 (135). С. 388–391.

Фрезинский Б. Я. Эрэнбург и Ахматова (взаимоотношения, встречи, письма, автографы, суждения) // Вопросы литературы. 2002. № 2. С. 243–291.

Черных В. А. Из опыта работы над «Летописью жизни и творчества Анны Ахматовой» // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения С. О. Шмидта Историко-архивному институту / Отв. ред. В. Ф. Козлов. М.: РГГУ, 2000. С. 419–422.

Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой, 1889–1966. 3-е изд., испр. и доп. М.: Азбуковник, 2016. 943 с.

Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой: 1889–1966. 2-е изд., испр. и доп. М.: Индрик, 2008. 767 с.

Эфрон А. О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери / Сост. М. И. Белкиной, коммент. Л. М. Турчинского. М.: Сов. писатель, 1989. 480 с.

Bonhams: Russian Literature & Works on Paper: [A catalogue]. December 5, 2012. New York, 2012. 116 p.

Hermitage Fine Art: Russian Art & History, November 25, 2021; Fine Art & Manuscripts, November 25, 2021: [A Catalogue]. Monaco, 2021. 461 p.

La Pietroburgo di Anna Achmatova : Catalogo della Mostra tenuta a Bologna nel 1996 / A cura di E. Ballardini e altri. Casalecchio di Reno: Grafis Edizioni, 1996. 256 p.

Sotheby's: Important Manuscripts, Continental and Russian Books and Music: Auction in London, 3 December 2019, Sale L19406. London, 2019. 144 p.

References

- Akhmatova A. *Sochineniya* [Works]. In 3 vols. Comp. by G. P. Struve, N. A. Struve, B. A. Filippov. Paris, Ymca-Press, 1983, vol. 3, 636 p. (in Russ.)
- Akhmatova A. *Sochineniya* [Works]. In 6 vols. Comp. by N. V. Korolyova. Moscow, Ellis Luck, 1998, vol. 1, 968 p.; 1999, vol. 2, pt. 2, 528 p. (in Russ.)
- Akhmatova A. *Stikhi i varianty* [Poems and Variants]. Publ. by Aleksandr S-v. In: *Chast' rechi* [Part of speech]. Literary-artistic almanac. New York, Silver Age Publ., 1981. iss. 2–3, pp. 15–19. (in Russ.)
- Anna Akhmatova i ee sovremenniki: na fone Peterburga – Leningrada [Anna Akhmatova and Her Contemporaries: against the background of Petersburg-Leningrad]. *Al'bom izbrannykh proizvedeniy grafiki Muzeya Anny Akhmatovoy v Fontannom Dome*. Moscow, MTN-club, 2003, 190 p. (in Russ.)
- Bonhams: Russian Literature & Works on Paper: [A catalogue]. December 5, 2012. New York, 2012. 116 p.
- Chernykh V. A. *Iz opyta raboty nad "Letopis'yu zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoy"* [From the experience of working on the "Chronicle of the life and work of Anna Akhmatova"]. In: Kozlov V. F. (ed.). *Istchnikovedenie i kraevedenie v kul'ture Rossii* [Source study and local history in the culture of Russia]. Moscow, 2000, pp. 419–422. (in Russ.)
- Chernykh V. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoy. 1889–1966* [Chronicle of life and work of Anna Akhmatova. 1889–1966]. 2nd ed. Moscow, Indrik, 2008, 944 p. (in Russ.)
- Chernykh V. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoy. 1889–1966* [Chronicle of life and work of Anna Akhmatova. 1889–1966]. 3rd ed. Moscow, Azbukovnik, 2016, 944 p. (in Russ.)
- Dazhunts E. "Ne prodavetsya vdokhnoven'e, no mozhno rukopis' prodat'" ["Not for Sale inspiration, but you can sell a manuscript"]. *Petersburg Express*, 2001, no. 16, April 24, p. 18. (in Russ.)
- Dilaktorskaya E. S. *Akhmatovskiy arkhiv Natalii Dilaktorskoj* [Akhmatova's archive of Natalia Dilaktorskaya]. In: Polotskaya O. V. (ed.). *Russkiy Sever – 2021: problemy izucheniya i sokhraneniya kul'turnogo naslediya. Rubtsovskiyeh chteniya: Sbornik materialovlov pyatoy Vserossiyskoj nauchnoy konferencii* [Russian North – 2021: problems of studying and preserving cultural heritage. Rubtsov Readings: Collection of materials of the 5th scientific conference]. Vologda, Polygraph Periodicals, 2021, pp. 284–295. (in Russ.)
- Efron A. *O Marine Tsvetaevoy: Vospominaniya docheri* [About Marina Tsvetaeva: Memoirs of a daughter]. Comp. by M. I. Belkina, comment. by L. M. Turchinsky. Moscow, Sovetskiy pisatel', 1989, 480 p. (in Russ.)
- Frezinsky B. Ya. *Erenburg i Akhmatova (vzaimootnosheniya, vstrechi, pis'ma, avtografiy, suzhdeniya)* [Ehrenburg and Akhmatova (relationships, meetings, letters, autographs, judgments)]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature], 2002, no. 2, pp. 243–291. (in Russ.)

Hermitage Fine Art: Russian Art & History, November 25, 2021; Fine Art & Manuscripts, November 25, 2021: [A Catalogue]. Monaco, 2021, 461 p.

Igosheva T. Roman M. A. Zenkevicha “Muzhitskiy sfinks”: O semantike zaglaviya [Zenkevich’s novel “The Peasant Sphinx”: On the Semantics of the Title]. In: Russkiy modernizm i ego nasledie [Russian Modernism and Its Heritage]. Collective monograph. Moscow, 2021, pp. 381–402. (in Russ.)

Kopylov L. et al. (eds.). “Pod znamenitoy krovley Fontannogo dvortsa”: putevoditel' po muzeyu Anny Akhmatovoy v Fontannom dome [“Under the famous roof of the Fountain Palace”: a guide to the Anna Akhmatova Museum in the Fountain House]. St. Petersburg, Delta, 2004, 111 p. (in Russ.)

Kraineva N. I., Sazhin V. N. Iz poeticheskoy perezpiski A. A. Akhmatovoy [From the poetic correspondence of A. A. Akhmatova]. In: Sazhin V. N. (ed.). Problemy istochnikovedcheskogo izucheniya istorii russkoy i sovetskoy literatury [Problems of source studies of the history of Russian and Soviet literature]. Collection of scientific works. Leningrad, 1989, pp. 191–202. (in Russ.)

Krasnoborodko T. I. Istoriya odnoi mistifikatsii (Mnimye pushkinskie zapisi na knige Val'tera Skotta “Ayvengo”) [The history of one hoax (Imaginary Pushkin’s notes on Walter Scott’s book “Ivanhoe”). In: Legendy i mify o Pushkine [Legends and myths about Pushkin]. St. Petersburg, 1995, pp. 277–289. (in Russ.)

Krayukhin S. N. Stikhotvorenie “Yudif” Akhmatova vse-taki napisala [Akhmatova nevertheless wrote the poem “Judith”]. *Izvestia*. 1997, no. 111, June 18, p. 5. (in Russ.)

La Pietroburgo di Anna Achmatova : Catalogo della Mostra tenuta a Bologna nel 1996 / A cura di E. Ballardini e altri. Casalecchio di Reno, Grafis Edizioni, 1996. 256 p.

Lutsenko A. M. (ed.). Avtograf № 3: Rukopisi A. Akhmatovoy iz kollektzii A. M. Lutsenko [Signature No. 3: Manuscripts by A. Akhmatova from the collection of A. M. Lutsenko]. Publ. by A. M. Lutsenko; comment. by A. M. Lutsenko and M. M. Kralin. St. Petersburg, 1998, 28 p. (in Russ.)

Musatov V. V. “V to vremya ya gostila na zemle...”: lirika Anny Akhmatovoy [“At that time I was visiting the earth...”: lyrics by Anna Akhmatova]. Moscow, Slovari.ru, 2007, 494 p. (in Russ.)

N. Gumilev, A. Akhmatova: Po materialam istoriko-literaturnoy kollektzii P. Luknitskogo [N. Gumilyov, A. Akhmatova: Based on the materials of the historical and literary collection of P. Luknitsky]. St. Petersburg, Nauka, 2005, 342 p. (in Russ.)

Pilshchikov I. A., Shapir M. I. Tekstologiya vs aksiologiya: Eshche raz ob avtorstve ballady “Ten' Barkova” [Textology vs axiology: Once again about the authorship of the ballad “Shadow of Barkov”]. In: Antropologiya kul'tury [Anthropology of Culture]. Moscow, 2005, iss. 3, pp. 219–248. (in Russ.)

Reyser S. A. Osnovy tekstologii [Fundamentals of Textual Criticism]. 2nd ed. Leningrad, Prosveshchenie, 1978, 175 p. (in Russ.)

Rubinchik O. “V sta zerkalakh”: “Akhmatovskiye chteniya – 2000” i sovremennoe sostoyanie akhmatovedeniya [“In a hundred mirrors”: “Akhmatova’s Readings – 2000” and the current state of Akhmatology]. *Russkaya mysl'*, 2000, no. 4312, April 6–12, p. 12. (in Russ.)

Rutman M. Stikhi iz taynika [Secret verses]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [Saint Petersburg Vedomosti], 2000, no. 193, October 19, p. 3. (in Russ.)

Savchenko S. “I lodka plyvet, preziraya veka...”: Neizvestnye stikhi Anny Akhmatovoy [“And the boat floats, despising the centuries...”: Unknown poems by Anna Akhmatova]. *Gornitsa*, 1997, no. 2, pp. 89–92. (in Russ.)

Sazhin V. N. Mnimaya i podlinnaya reputatsiya: ob A. M. Lutsenko i ego “Akhmatoviane” [Imaginary and true reputation: about A. M. Lutsenko and his “Akhmatoviana”]. *Pro knigi: zhurnal bibliofila* [About books: Magazine for the bibliophile], 2015, no. 2 (34), pp. 63–73. (in Russ.)

Seslavinsky M. V. (comp.). *Iskusstvo avtografa: inskripty pisateley i khudozhnikov v chastnykh sobraniyakh rossiyskikh bibliofilov* [The Art of the Autograph: Inscriptions of Writers and Artists in Private Collections of Russian Bibliophiles]. In 2 vols. Moscow, Boslen, 2015, vol. 1, 375 p. (in Russ.)

Seslavinsky M. V. Bibliofil'skiy venok Anne Akhmatovoy: k 125-letiyu so dnya rozhdeniya: avtografiy v sobranii M. Seslavinskogo [Bibliophile wreath to Anna Akhmatova: to the 125th anniversary of her birth: autographs in the collection of M. Seslavinsky]. Moscow, Pro knigi, 2014, 175 p. (in Russ.)

Sotheby's: Important Manuscripts, Continental and Russian Books and Music: Auction in London, 3 December 2019, Sale L19406. London, 2019, 144 p.

Timenchik R. D. Anna Akhmatova: epokha, sud'ba, tvorchestvo [Anna Akhmatova: era, fate, creativity]. In: Krymskiy Akhmatovskiy nauchniy sbornik [Crimean Akhmatova's scientific collection]. Simferopol, 2007, iss. 5, pp. 156–189. (in Russ.)

Timenchik R. D. Book review: Kralin M. M. Pobedivsheye smert' slovo, 2000. *Novaya russkaya kniga* [New Russian book], 2000, no. 6, pp. 67–69. (in Russ.)

Timenchik R. D. Ob akademicheskom izdanii sochineniy Akhmatovoy [On the academic publication of Akhmatova's works]: Scientific report. The Anna Akhmatova Museum in the Fountain House. Abstract, January 20, 2022. URL: <http://pushkinskiy.dom.ru/wp-content/uploads/2022/03/O-SOBRANII-SOCH-Strah-i-Muza.pdf> (accessed 22.11.2022).

Timenchik R. D., Lavrov A. V. Materialy A. A. Akhmatovoy v Rukopisnom otdele Pushkinskogo Doma [Materials of A. A. Akhmatova in the Manuscript Department of the Pushkin House]. In: *Ezhгодnik Rukopisnogo Otdela Pushkinskogo Doma na 1974 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1974]. Leningrad, Nauka, 1976, pp. 53–82. (in Russ.)

Timenchik R. D. Akhmatova v chastnykh sobraniyakh, zametki literaturoveda [Akhmatova in private collections: Report at the round table]. Doklad na kruglom stole NSB po sluchayu 125-letiya so dnya rozhdeniya A. A. Akhmatovoy v Muzei Anny Akhmatovoy v Fontannom Dome. Abstract. Saint Petersburg, June 27, 2014. (in Russ.)

Timenchik R. D. O chesti, prostite, mundira: Otklik na stat'yu V. N. Sazhina “Mnimaya i podlinnaya reputatsiya: ob A. M. Lutsenko i ego ‘Akhmatoviane’” [On the honor, excuse me, of the uniform: Response to the article by V. N. Sazhin “Imaginary and real reputation: about A. M. Lutsenko and his ‘Akhmatoviana’”]. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Observer], 2015, no. 5 (135), pp. 388–391. (in Russ.)

Varava B. N. Eshche raz ob avtografakh Anny Akhmatovoy [Once again about the autographs of Anna Akhmatova]. *Pro knigi: Zhurnal bibliofila* [About books: Magazine for the bibliophile], 2014, no. 2 (30), pp. 23–32. (in Russ.)

Varava B. N. Vospominaniya sibirskogo knizhnika i antikvara (v poiskakh Serebryanogo veka) [Memoirs of a Siberian bookseller and antiquary (in search of the Silver Age)]. Moscow, Sredi kollektzionerov, 2013, 303 p. (in Russ.)

К 100-летию со дня рождения Юрия Николаевича Чумакова

Velikodnaya I. L. Kolleksiya avtografov [Collection of autographs]. *Bibliotekovedenie [Librarianship]*, 2016, vol. 1, no. 1, pp. 55–59. (in Russ.)

Zalizniak Anna A. Russkaya semantika v tipologicheskoy perspektive [Russian Semantics from Typological Perspective]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2013, 635 p. (in Russ.)

Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoy (1958–1966) [Notebooks by Anna Akhmatova]. Comp. by N. Suvorova, intr. by E. G. Gershteyn, index by V. A. Chernykh. Moscow, Torino, Giulio Einaudi editore, 1996, 850 p. (in Russ.)

Zuseva-Özkan V. B. P'esa M. E. Levberg “Danton” (1919) i syuzhet o Yudifi [The play by M. E. Levberg “Danton” (1919) and the story of Judith]. *Russian Literature*, 2022, no. 1, pp. 240–247. (in Russ.) DOI 10.31860/0131-6095-2022-1-240-247

Zuseva-Özkan V. B. “Sverkhtekst” E. I. Zamyatina o deve-voitel'nitse. Stat'ya pervaya [Evgeny Zamyatin's “Hypertext” about the Female Warrior. Article I]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie [Text. Book. Publishing]*, 2021, no. 27, pp. 18–38. (in Russ.) DOI 10.17223/23062061/27/2

Информация об авторе

Петр Александрович Дружинин, кандидат исторических наук

Information about the Author

Petr A. Druzhinin, Candidate of Sciences (History)

*Статья поступила в редакцию 20.12.2022;
одобрена после рецензирования 12.01.2023; принята к публикации 12.01.2023
The article was submitted on 20.12.2022;
approved after reviewing on 12.01.2023; accepted for publication on 12.01.2023*